

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

*Закон
бумеранга*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Закон бумеранга

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Закон бумеранга / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Расплата за грехи неизбежна. Однажды совершенное зло спустя много лет бумерангом возвращается обратно... И когда жертвы меняются местами с палачами, Турецкий оказывается в непростой ситуации...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	14
Глава вторая	24
Глава третья	31
Глава четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фридрих Незнанский

Закон бумеранга

...А иногда они возвращаются.

Из разговоров

Пролог

ДЕТИ ГИТЛЕРА И СТАЛИНА

1

В декабре 1935 года, одержимый идеей арийского господства, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер основал союз «Лебенсборн». Цель союза: воспитание детей от избранных родителей-арийцев в духе национал-социалистического идеала. Союз должен был собирать по всей Европе подходящих детей германского типа и свозить их в построенные специально для этой цели детские дома в Германии.

Адольф Гитлер, рассматривая идею Гиммлера, поначалу сомневался. Однако, когда подсчитал, что его «Лебенсборн» может в будущем обеспечить рейху армию в четыреста тысяч человек для дальнейшей борьбы за мировое господство, фюрер наконец согласился. А когда осознал чудовищность своих военных потерь, отдал распоряжение уделить особое внимание работе в этом направлении как стратегическом. Ведь если дела на фронтах будут продолжаться подобным образом, очень скоро защищать Великую Германию станет просто некому.

В Германии было построено девять детских домов, и до конца войны в них воспитывалось примерно одиннадцать тысяч детей, отцами которых являлись, прежде всего, члены СС.

Дети поступали в детские дома «Лебенсборна» не только от добровольцев на родной земле, но и от порабощенных европейских народов. Германизации подлежали расово ценные дети во Франции, странах Бенилюкса, Дании и Польше. Их отрывали от родителей и отправляли в детские дома Германии. Выбирались мальчики и девочки по так называемым арийским таблицам СС. Наиболее важным критерием при измерениях считалось расстояние от лба до затылка.

Норвежские дети не проходили процедуры измерения. Норвежцы, являясь прямыми потомками викингов, заведомо обладали отвагой, силой и твердостью. Эти качества должны были присутствовать у них в генах. Они словно самой природой были созданы для воспитания в духе нацизма...

После разгрома фашистской Германии союзники получили в наследство не только разрушенную страну, разбитые фабрики и заводы, чертежи и научные разработки в области ядерной физики и ракетостроения, готовые коллективы ученых, награбленные во всех странах шедевры мирового искусства, но и концентрационные лагеря.

Дети, имевшие хоть какие-то документы, помнившие несколько родных слов, были вывезены на предполагаемую родину. Но осталось несколько тысяч детей, не знавших никакого языка, кроме немецкого. Не помнящих ничего, кроме лагеря. Их определили как детей немецких антифашистов и поселили в специально созданных детских домах, куда влились и дети из многочисленных приютов. Приютских презрительно называли детьми Гитлера, нацистскими выкормышами.

В сорок седьмом году Советская военная администрация создала Пятый комиссариат. Построен он был по образу и подобию советского ВЧК-НКВД. И то, что детские дома попали под крыло «дзержинцев», казалось вполне естественным. Однако практичные немцы не ограничились воспитанием слесарей из мелких воришек или сирот. При необходимости им придумывали подходящие биографии, которые в дальнейшем становились великолепными легендами при засылке агентов на Запад.

Получив в руки послушный материал, они продолжили начатое фюрером дело, слегка изменив его вектор. К шестьдесят первому году, когда была воздвигнута Берлинская стена, уже вся Западная Европа была буквально наводнена молодыми честолюбивыми людьми.

Пока их сверстники отращивали длинные волосы, сходили с ума по «Битлз» и Элвису Пресли, курили марихуану и прожигали жизнь, эти энергичные парни и девушки заканчивали университеты и делали блестящие карьеры.

Таких грандиозных успехов, как восточногерманская разведка Штази, не добивалась ни одна спецслужба в мире. Руководство КГБ воспринимало ее питомцев не иначе, как передовой отряд на фронтах «холодной войны».

2

Уилли Крафт всегда знал, что его родителей уничтожили фашисты. Он смутно помнил собачий лай как самый большой кошмар своей жизни. В послевоенной Германии долгое время вообще не было собак. Всех уцелевших овчарок вывезли для селекции или уничтожили, а собаки других пород, вероятно, были просто съедены. Поэтому однажды, уже подростком, внезапно услышав злобный лай, Уилли обмочился от страха.

Но сироте повезло с воспитателями и учителями. Те постарались, чтобы у парня было счастливое детство и не оставалось вопросов и сомнений. Никто не знал, кто он по национальности. Ему придумали биографию сына героических борцов Сопротивления. Мир в сознании ребенка был четко разделен на черное и белое. Уилли знал, что зло разгромлено не до конца и копит новые силы на Западе. Учась отказываться от удовольствий, Крафт упорно готовился к борьбе. Он заставлял себя засыпать на холодном жестком полу рядом с расстеленной мягкой постелью. Держал руку над пламенем свечи, пока не начинало шипеть мясо. Часами метал в нарисованного на деревянном заборе человека перочинный нож. Легко мог отказаться не только от компота в столовой, но и вообще не есть три дня. Его настольными книгами были: «Как закалялась сталь» и «Овод». Он мог бесконечно смотреть советские фильмы про отважных разведчиков и подлых шпионов. И когда эти фильмы «крутили» в местных кинотеатрах, он сбегал из интерната, входил на первый сеанс и не покидал зал до последнего. При этом Уилли не платил ни пфеннига. Он умудрялся прятаться в складках занавеса так, что ему позавидовали бы сами шпионы.

В двенадцать лет Уилли жестоко избил сверстника за то, что тот в тетрадке нарисовал маленькую свастику. В шестнадцать он пропал. Парня искали двое суток. На третий день директора интерната вызвали в полицейский участок, где он смог получить своего воспитанника...

Агенты Штази были всегда начеку. И когда появилась информация о том, что некий подросток знает тайный ход в Западный Берлин и за определенную плату берется доставить туда любого желающего, на его поиски были брошены все агенты. Наконец внезапно разбогатевший парень был найден. Получив задаток, он повел двоих агентов, прикинувшихся перебежчиками, старинным подземным ходом. Вдоль бесконечного коридора со сводчатым потолком зияли черными дырами боковые тоннели... Возможно, это были монашеские кельи или камеры средневековой тюрьмы, используемые фашистами как тайные застенки.

Заведя провокаторов в одну из келий, он ловко выскочил и запер задвижку. Если бы не установленная за подростком слежка, несчастные могли остаться там навсегда. Парня взяли на выходе, и ему пришлось показать, где томятся узники. Но еще большее изумление испытали полицейские, когда услышали посторонний шум и, пройдя по камерам, освободили еще с десяток крайне истощенных людей. Оказалось, что таким образом юный антифашист боролся с язвами прошлого.

С Крафтом провели воспитательную беседу, и парень успокоился. Он с невероятным рвением принялся изучать языки: английский и шведский, а также биографию некоего Мартина Гриффита.

Реальный Мартин Гриффит также ничего не знал о своем прошлом. Но о нем знала вся восточногерманская разведка. Парень, практически насильно, был зачат от немецкого офицера. Молодому норвежскому адвокату поставили условие: его жена рождает для нацистов ребенка или семья разделяется и отправляется в лагеря. Родители троих малышей были вынуждены пойти на сделку. Едва родившегося сына отняли у матери и вывезли в Германию.

Однако подросший парень оказался неповоротливым увальнем, да еще и весьма средних умственных способностей. В школе Мартин учился хуже всех. Мало того, влюбившись в свою одноклассницу по интернату, зачал первого ребенка уже в четырнадцать лет. И спецслужбы постарались оградить паренька от какой-либо информации о его настоящем имени и скандинавских родственниках.

Зато поддельный Мартин Гриффит, закончив школу, начал писать трогательные письма матери, в которых убеждал ее, что чувствует себя настоящим норвежцем. На семейном собрании было принято решение принять едва не потерянного сына. Он приехал и всех очаровал. Однако обстановка подозрительности, вызванная тем не менее его приездом, помешала ему остаться с семьей. Справив себе документы, в которых уже не указывалось гэдээровское прошлое, Мартин уехал учиться в Великобританию. Чувствовавший себя виноватым по отношению к нему, приемный отец посчитал своей обязанностью оплатить его учебу.

Мартин изредка навещал семью на Рождество. А жить остался все равно на туманном Альбионе. Впрочем, полюбить эту страну он так и не смог.

Случались между тем и провалы. С несколькими заданиями руководства, требовавшего реальных действий, агенты не справились. Одного западные спецслужбы вычислили, после того как он напился пива, стараясь завязать знакомство с американскими солдатами. Другой вызвал подозрение тем, что стал постоянным покупателем журналов на военную тематику, третьего засекли на взятом в прокат автомобиле вблизи полигона, где проводились военные учения. Руководство Штази потребовало от своих сотрудников более бережного отношения к агентуре. И Уилли Крафт (он же Мартин Гриффит), как один из наиболее талантливых и перспективных, был законсервирован.

3

Однажды в конце шестидесят четвертого года, отправляясь на службу по обычному маршруту, Уилли увидел, что арбузную горку во фруктовой лавке пакистанца Абу Бакра венчает арбуз с вырезанной на нем веселой мордашкой. Это означало, что вечером необходимо прибыть на конспиративную квартиру. Уилли, соблюдая крайнюю осторожность, прошел к подъезду. Маршрут был тщательно изучен. Слежки он за собой не обнаружил.

В квартире его ждал крепкий, слишком подтянутый для гражданской профессии молодой человек. Темные кудри удачно гармонировали со средиземноморским загаром. Однако светлые глаза, скорей зеленоватого оттенка, выдавали в нем северные корни.

Протянув руку, он произнес с легким восточным акцентом:

– Я привез вам привет от тетушки Эльзы из Лотарингии.

Посетитель назвал пароль самого высшего уровня. Это означало, что, скажи он сейчас: «Прыгай в Темзу», Уилли не раздумывая выполнил бы указание.

– А свое любимое варенье из кабачков она передать не забыла? – спросил Крафт в ответ на приветствие.

Связной рассмеялся и предложил:

– Знаете, я голоден как собака! Давайте где-нибудь поужинаем, но так, чтобы вокруг было достаточнолюдно и шумно.

– Вас разве не пасут? – спросил осторожный Уилли.

– Я час назад прилетел из Валенсии, где имею небольшой гостиничный бизнес. Кому в чопорной Англии интересен владелец частного отеля из сонной Испании? Кстати, зови меня Карлос. А что за кормежка в самолетах, сам знаешь. Угости обедом!

Уилли привел своего нового шефа в небольшой рыбный ресторанчик. Карлос заказал себе бутылку водки и ассорти из морепродуктов. Крафт первую стопку также выпил. От второй, строго соблюдая правило: мозг разведчика должен быть чистым, категорически отказался. Собеседник пожал плечами и «уговорил» всю бутылку сам, проявив при этом чудовищный аппетит.

Уилли никогда ничего подобного не видел. Он не представлял себе, как можно так много есть и пить! Он уже прикидывал в уме не столько даже сумму, в которую обойдется ему обед, и не проблему доставки шефа на такси до дома, а чего ему будет стоить реанимация резидента в клинике неотложной помощи.

Однако русский, как Уилли уже смутно догадался, был не только не пьян, напротив, выглядел гораздо трезвее самого Крафта, слегка разомлевшего от пятидесяти граммов. А самое ужасное, что после морепродуктов его потянуло еще и на мясо.

Затем они гуляли по набережной Темзы, и новый знакомый, искренне восторгаясь красотой, произнес:

– Вид-то какой! Дух захватывает! Как вообще живется в Англии?

– Ничего, – ответил Крафт, – удобно и комфортно. Единственное, что отравляет жизнь, это чудовищные цены.

– А чудовищный климат? – обернулся к нему собеседник. – А чудовищные женщины? А что они едят? Пудинг, этот кровавый бифштекс и овсянку! Разве не чудовищно?

– Полностью с тобой согласен, – засмеялся Уилли. И снова ужаснулся, услышав от резидента предложение зайти поужинать.

В латиноамериканском ресторане, пожирая огромный кусок мяса под мексиканским соусом, от которого у любого европейца немедленно должна была открыться язва желудка, и смачно запивая пищу текилой, которую он принимал, соблюдая все правила, слизнув соль и закусив грейпфрутом, Карлос наконец удосужился рассказать о сути предстоящего задания.

Оказалось, британская разведка недавно обнаружила часть нацистского архива, касающегося тех материальных и художественных ценностей, которые были украдены ими в покоренных странах и спрятаны в апреле сорок пятого, когда фашистский мир рушился.

Как стало известно, обнаружение это произошло по причине предательства одного из российских военачальников из ЗГВ. Тот был склонен к пьянству и не по делу «развязал язык». Ну, с предателем все в порядке: за свои грехи он уже получил тридцать сребреников – в печенье...

– Извини, – Уилли помотал головой, – не понимаю игры слов.

– А это не игра, – довольно ухмыльнулся Карлос, – это юмор такой. Убрали его, понятно? Так вот, слушай дальше. Тот архив уже сумели переправить сюда, на остров. Но мы не хотим, чтобы сведения, которые пока, по нашим данным, еще не расшифрованы, хотя это дело времени, попали в руки проклятых капиталистов. Короче, принято решение архив уничтожить.

– Но как? – удивился Уилли.

– Его будут перевозить в бронированной машине с небольшим полицейским эскортом. Они, дураки, еще сами не знают, что держат в руках!. Нам поставлена задача: уничтожить этот фургон, но сделать это аккуратно, устроить что-нибудь. Вроде автомобильной аварии.

Дальнейшее обсуждение плана операции продолжилось на квартире. Расстелив карту, Карлос показал:

– Фургон проследует по этой трассе из Дувра в Ашфорд. В этом месте низина и резкий поворот. Они будут здесь в тринадцать двадцать. В случае корректировки ты узнаешь. Будешь сидеть в баре вот здесь. Отзовешься на имя Джон Смит. А здесь, на стоянке у кафе, будет находиться бензовоз с ключами в замке. Водитель остановится и пойдет перекусить. Правые колеса у него будут с открученными гайками. Ехать тебе придется осторожно, избегая резких маневров. В тринадцать пятнадцать вот здесь, под горку, разгонишься и резко поворачивай вправо. Кабина должна остаться на месте, а бочка перевернуться. И сразу исчезай. Когда через считанные секунды фургон въедет в ловушку, у них останется время только на то, чтобы спасти свои шкуры... А вот в этом месте тебя будет ждать белый «ситроен».

4

Операция прошла не совсем так, как было задумано. Когда Уилли прибыл на стоянку, там стояли пять бензовозов, и все с ключами. Он понял, что если сейчас не станет действовать, то операция сорвется, и что тогда – одному Богу известно.

Запрыгнув в кабину одного из них, он погнал машину в сторону предполагаемой встречи. И внезапно увидел впереди полицейскую машину и следующий за ней фургон. Они шли с явным опережением графика по свободной от транспорта дороге.

И тогда Уилли решился на крайнюю меру. Разогнавшись, он пропустил полицейский автомобиль и, резко повернув, подставился фургону. Тот ударил в емкость и опрокинул цистерну.

Уилли успел выскочить из кабины и кинулся в заросли кустарника за обочиной. Бензин выливался из покоренной цистерны сплошным потоком. Полицейская машина развернулась, а выскочившие из нее полицейские бросились вытаскивать из фургона водителя и офицера сопровождения. Едва их оттащили в сторону, раздался сильнейший взрыв. Горючее полыхнуло по всему шоссе.

Крафт, припадая на ногу, бежал по лесной тропинке.

Несколько лет проживания на благополучном Западе изменили взгляды шпиона. Юношеский максимализм уступил место здравому смыслу. Он с ужасом понимал, что стал причиной смерти невинных людей и теперь его жизнь кардинально изменится. Его конечно же схватят и посадят в тюрьму на долгие годы. И тогда он решил остановиться и безропотно ждать, пока подъедут полицейские, но, подумав, Крафт решил, что раз задание он выполнил, то, значит, перед Штази чист. А если добровольно сдастся, во всем признается и раскается, то – чем черт не шутит? – может рассчитывать и на какое-то снисхождение со стороны закона. Главное – только успеть самому добраться до полицейского участка. И он бросился бежать дальше.

Лес кончился. Перед беглецом были несколько домов небольшого поселка. У ограды одного из них стоял велосипед. Уилли вскочил в седло и помчался дальше. И внезапно выехал к тому же самому бару, откуда началась его операция. Крафт посмотрел на часы. Оказывается, прошло не больше тридцати минут. Он огляделся – ничего во время его отсутствия не изменилось. Со стоянки исчез лишь один бензовоз – тот, который он сам и угнал. Уилли медленно вернулся в бар. Сев за свой еще не убранный столик, заказал бутылку текилы и в первый раз здорово напился.

Когда полицейские опрашивали хозяина бара, тот подтвердил, что молодой человек пропьянствовал весь день, никуда, кроме туалета, не отлучаясь. Потомки Шерлока Холмса не смогли раскрыть преступление и списали все на несчастный случай.

Однако, когда в средствах массовой информации поднялась шумиха по поводу утраченной коллекции эпохи позднего Возрождения, Уилли начал подозревать, что его использовали обыкновенные аферисты, как рулон туалетной бумаги.

Это была коллекция живописи из германских музеев. Ценности перевозились в бронированном автомобиле и, по официальным данным, погибли в огне при случайном столкновении с бензовозом.

Поселившись в одной из гостиниц под именем Смита, Крафт внимательно изучил все публикации относительно на шумевшего происшествия. Особенно его интересовало состояние здоровья раненых. Он облегченно вздохнул, узнав, что водитель и сопровождающий в огне не погибли. Но, просматривая затем уголовную хронику, Уилли наткнулся на информацию, что примерно в то же время в тридцати километрах от места происшествия потерпел аварию «ситроен» белого цвета. Автомобиль ехал, судя по всему, с явным превышением скорости, и внезапно у него отказал главный тормозной цилиндр. Водитель не успел среагировать, и машина, врезавшись в скалу, взорвалась. Высказывалось предположение, что, возможно, водителем «ситроена» и был угонщик бензовоза. Полиция собиралась проводить новое расследование.

Уилли понял, какая участь ожидала его, и постарался исчезнуть. Он, изменив имя и внешность, покинул Британские острова. Однако долго находиться на одном месте не мог. Ему все время казалось, что длинные руки Штази подбираются к его горлу. Выбрав себе занятие экологией, позволявшее часто менять страны и континенты, Крафт посчитал, что достаточно затерялся и теперь можно сильно не волноваться за свое будущее. Но от прошлого, увы, уйти так и не удалось...

5

Вторая встреча Уилли Крафта с тем самым Карлосом произошла уже в начале восьмидесятых.

Изрядно погрузневший, он внезапно появился перед Крафтом прямо на тротуаре Франкфурта-на-Майне.

– А, жив еще, старый развратник! – заорал Карлос, радостно обнимая Уилли.

– А вы предпочли бы видеть меня мертвым? – отстраняясь, заметил Крафт.

– Да ты что, старик! Как можно? Нам такие кадры живыми нужны. Мы просто тебя отпустили, но на длинном поводке. И единственное, что позволили себе, извини, такова судьба разведчика, так это немного разобраться с некоторыми из твоих женщин.

– Так, значит, это вы? – вскричал Уилли, внезапно поняв поведение некоторых своих подруг, которые, мечтая выйти за него замуж, внезапно бросали его и уходили, разрывая отношения навсегда.

– Да! – театрально произнес Карлос. – Единственная верная жена разведчика – это его Родина. И в определенных обстоятельствах ради высших целей она может им даже пожертвовать, – в словах Карлоса Крафт услышал угрозу.

– Отпустите меня! – взмолился Уилли. – Вы понимаете, что я сейчас занимаюсь действительно важным делом. По сравнению с глобальным загрязнением атмосферы наши прежние шпионские игры просто смешны!

– Где тот боец невидимого фронта, готовый ради идеи всемирного счастья броситься в любые авантюры? Забыл? И вечный бой! Покой нам только снится! Смерть в кровати – не для нас! Но пасаран! Вспомни товарища Че!

– Это все слова, а я устал скрываться и прятаться, – продолжал канючить Уилли. – Играть в разведчиков интересно в двадцать пять, а сейчас мне за сорок. Я хочу покоя и простого семейного счастья. Неужели я не заработал заслуженный отдых? Мне даже не надо от вас никакой пенсии. Я сам в состоянии заработать. Мне что, идти в полицию и во всем признаваться? Вы этого хотите?

– Успокойся, дорогой, – похлопал его по плечу Карлос, – конечно же все мы люди и понимаем, что такое усталость. Есть вариант. Аккордная работа – и ты на свободе. А после можешь лететь спасать своих китов и обрести мелкобуржуазным жирком.

– Что надо сделать? – спросил Крафт, почувствовав зловещие нотки в кажущемся шутивым разговоре.

– Убрать человека, – просто, словно речь шла о мухе, произнес ужасный человек.

– Нет. Однозначно нет. Не смогу. Я уже не тот. Я другой человек. У вас что, нет более ловких киллеров?

– Киллер – рано или поздно – попадает. А самые нераскрываемые убийства совершаются именно такими простыми парнями, как Уилли Крафт, порядочный семьянин.

– Нет, я отказываюсь.

– Прекрасно. Ты даже можешь отправиться в полицию. Но мой тебе совет: напиши сначала завещание.

– Вы меня шантажируете?

– Как можно? Ты же старый друг. Я просто предупреждаю. Сам я – маленькая пешка в большой игре. За мной стоит такая машина, что просто раздавит и сметет, сделай я или ты что не так.

Крафт посмотрел в глаза Карлосу и решил, что, пожалуй, сдав его в полицию, можно заслужить реабилитацию.

– Ладно, я согласен, но мне нужны гарантии.

– Только мое честное слово. Мы ведь с вами работали, Крафт, – другим уже тоном и переходя на «вы» начал инструктировать Карлос. – Вы молчали, и я не предпринимал никаких действий. Вот и договор.

– Ладно, что я должен сделать?

– Вам натрут руку одним веществом. Вы придете в дом к вашему знакомому и поздороуетесь за руку. Затем скажете пару слов и уйдете. Вот и все. Потом он умрет.

– А я? – растерялся Уилли.

– А вам введут противоядие, – успокоил Карлос.

– Нет, не годится, – замотал головой Крафт. – А если не введут? Мало ли, по какой причине? Давайте я просто застрелю его, и все.

– Застрелите? Замечательная идея, – словно обрадовался Карлос. – Смотрите, вот авторучка. Я всегда при себе имею авторучку-пистолет. Очень занятная и полезная вещица. Я даже готов вам подарить такую же. Пользоваться надо очень аккуратно. Попросите его подписать для вас какую-нибудь бумажку. Достанете ручку. Стержень надо направить вот так и нажать на эту кнопку. Все очень просто. Она – ваша.

– Имя?

– Клаус Беккер.

– Что?

– Да-да. Ваш давний знакомый. Но плата за предательство выдается дважды. Сначала в виде аванса от Сатаны, а затем приходится платить по счетам Всевышнего. Запомните, мы способны простить все и уважаем открытых врагов нашей системы, мы сами разведчики и понимаем разведчиков врага. Единственное, что не имеет прощения, – предательство. А он продался, как последняя проститутка, и товарищей своих продал.

6

Уилли взял авторучку и побрел к себе домой. Весь день прошел для него в ужаснейших душевных мучениях. Под вечер он наконец принял твердое решение.

Крафт оделся и, поймав такси, поехал к человеку, с которым вырос в одном детском приюте, но которого давно не видел, несмотря на то что жил с ним в одном городе. Клаус работал на одной из радиостанций, пытавшихся донести западные ценности до Востока. Он поискал звонок и, не найдя его, постучал в дверь.

Открывший ее человек всматривался в Уилли и пытался вспомнить, где он видел это лицо.

– Что, не узнаешь? – прохрипел посетитель. – Это я, Уилли.

– Крафт? – обрадовался, но и насторожился Беккер. – Заходи.

– Я о тебе слышал. Ты сейчас с «зелеными» хорошего шороху дал по поводу загрязнения шельфа. А ко мне наверняка с сенсацией!

– Да, конечно. Выслушай меня. Я долгое время работал на Штази, а сейчас пришел, чтобы застрелить тебя! – выпалил Уилли.

Клаус Беккер схватился за грудь и медленно опустился на стул.

– Но делать этого не буду! – видя состояние жертвы, продолжил Крафт. – Вызови комиссара полиции. Мне нужны гарантии.

Выскочившая жена увидела побледневшего мужа вместе с незнакомым мужчиной и испуганно спросила:

– Что случилось?

– Сара! Меня убивают, – едва слышно прошептал Клаус.

– Что? – переспросила не расслышавшая женщина.

– Позвоните в полицию, – попросил посетитель. – Нам есть что заявить комиссару.

– Что с ним? – еще раз испуганно спросила женщина.

– Это он от радости. Он теперь станет знаменитым и богатым.

Приехавшие полицейские подробно записали все показания и признания раскаявшегося убийцы. Изъяли оружие и препроводили Крафта в полицейский участок...

Однако вскоре дело приняло неожиданный оборот. В прессу была вброшена информация, что задержан с поличным при попытке покушения на видного деятеля правозащитного движения советский шпион. Вопреки предположениям Уилли Крафта, шумиха по этому поводу поднялась сильная, но имени своего он так и не услышал. Все говорили о каком-то загадочном киллере.

Крафта усадили в самолет, летевший так долго, что Уилли успел все осознать и проститься с жизнью. Затем несколько часов везли в машине по каким-то чудовищным ухабам. Когда же он увидел заснеженные просторы и сани с собачьей упряжкой, мозг его не выдержал.

Сознание вернулось уже в странном заведении. Как он там очутился, немец понять не смог. Таких ужасных стен, полов и потолков он не видел никогда. В комнате без окон стояло шесть металлических кроватей. На трех из них лежали люди.

Уилли тоже лежал, безучастно глядя в потолок. Однако человеческое естество дало о себе знать, он поднялся и вышел в коридор, по которому передвигались человекоподобные существа и невнятно мычали на непонятном языке. Туалет он нашел по запаху, но войти смог лишь с третьей попытки и то, когда совсем стало уже невозможно. А попав, не сразу сообразил, как им пользоваться. Когда понял, то просто ужаснулся.

Вернувшись в свою комнату, увидел, что на его койке, застланной серым подобием простыни, валялся какой-то урод. Немец попробовал его стащить. Тот вскочил и, размахнувшись, ударил Крафта в солнечное сплетение. Уилли упал на пол и забился в истерике.

В первый день его раздели. Ночью была попытка изнасиловать. На второй день к нему подошел человек и, присев на корточки, спросил на чистом немецком языке, кто он. Обрадовавшись, Уилли начал рассказывать, что с ним приключилось. Выслушав, человек произнес:

– Да, брат, попал ты, однако! Находимся мы на Урале, на границе Европы и Азии, в психиатрической лечебнице. Есть здесь с десяток человек абсолютно нормальных и с пяток слегка шизанутых, но вполне вменяемых в перерывах между приступами. Так как все мы друг другу давно приелись, появление нового лица будет интересным и познавательным.

Он взял немца под руку и повел. Распахнул дверь палаты, и, впервые за несколько дней, у людей оказались вполне нормальные лица.

– Разрешите представить, – с пафосом произнес гид. – Уилли Крафт, советский шпион!

7

Полковник Лесков из рук министра государственной безопасности СССР получил генеральские погоны одновременно с очередным повышением по службе. Акция устрашения «западных голосов» прошла весьма удачно. Не прибегая к физическому устранению, он смог нагнать столько страха на все диссидентское движение, что теперь можно было лет пять почи-вать на лаврах.

Министр не вникал в суть подробностей. Он был уверен, что Лесков именно так и задумал проведение операции. Он не любил кровь, справедливо полагая, что и без нее можно достичь любого результата не менее эффективно.

Лесков только высказал просьбу вытащить на родину агента, который мог там, за рубежом, расколоться и наговорить лишнего. Министр дал добро.

Глава первая КРОВАВОЕ КРЕЩЕНИЕ

1

Позднее летнее утро дохнуло теплым запахом свежесушенного сена. Иван Силантьевич проснулся именно от этого одуряющего аромата. Вобрал в легкие воздуха, и сердце защемило. Жизнь, можно сказать, прожил. А на душе тяжело. Словно не свою прожил, будто украл. А украл-то, оказалось, у себя.

Раньше он любил гордо рассуждать: «Думал ли простой деревенский парень, что станет генералом?» Теперь же все чаще задавал вопрос: «Зачем я это сделал?»

Всю жизнь Иван Силантьевич Копчик боролся с крестьянскими корнями. Впрочем, особых усилий для убеждения себя в том, что ненавидит ковыряние в земле, не понадобилось. Он также не испытывал тяги ни к станку, ни к счетам, ни к тряске в танке.

Но обидней всего было то, что интеллигентом он так и не стал, а от корней оторвался. Кто он теперь? Внезапно оказалось, что самые счастливые годы жизни были связаны с тяжелым, но благородным трудом. Веками предки жили на земле и черпали из нее силы. Ах, если бы все вернуть! Он пахал бы поля, выращивал свиней, разбрасывал бы навоз, быть может, заимел бы пасечку. Конечно, жизнь бы не отличалась буйными красками и была бы тяжела, однако совесть бы не мучила и душа не болела.

Подобные мысли преследовали отставного генерала КГБ не всегда. Еще полгода назад, будучи генеральным директором частной охранной фирмы, он лихо «махал шашкой» и не ведал сомнений. Однако последний объект его доконал. Сердце не выдержало, и пришлось уйти на покой. Но самое ужасное было не это.

Едва он пришел в себя, профессор, похожий на знакомого мясника с рынка, начал давать советы, как дальше жить: «Нельзя пить, курить, кофе, женщин. Меньше резких движений и сильных эмоций, – и, внезапно запнувшись, добавил: – Меньше думайте о душе!»

Зачем он произнес последнюю фразу? Копчик внезапно осознал, что может преставиться в любой миг. А вдруг там спросят? Раньше у него были ответы на все вопросы. А сейчас? Невнятное бормотание относительно выполнения чужих приказов? А где была совесть? Он просто не знал о ее существовании. Но это какое-то слабоватое оправдание.

Внезапно память, основательно подточенная склерозом, начала играть злые шутки. Перед его взором стали выстраиваться, как на параде, давно забытые люди. Последний взгляд, который бросали осужденные, оказалось, не забывается...

И тут нахлынуло воспоминание, которое он тщательно старался забыть, забить бытовой мелочовкой, загромоздить глобальными проблемами, завалить бесконечной бюрократической волокитой. Быть может, организм бессознательно работал на износ из необходимости, выложившись полностью на службе, провалиться в забытие без сновидений. Теперь же, на пенсии, у него не оказалось даже хобби. И вот результат! Живший под девизом: «Чтобы было, что вспомнить!», теперь отдал бы все, чтобы забыть свою жизнь.

В тысячный раз перед его взором бежала и бежала по лестнице окровавленная, зовущая на помощь женщина, а он, в ужасе от возможной расплаты, неся за нею следом, стрелял из своего ТТ...

Иван Силантьевич сел на кровати и отворил створку окна, приняв к запаху детства, к запаху счастья. Нет, не он это был. Не мог он так озвереть. А может, все, что произо-

шло, не случайность, может, это судьба, карма? Или плата? Плата за грехи предков? Взять, например, отца. Он ведь ничего о родителе не знал, тот о себе никогда не рассказывал. Воевал он? Или сидел? А может, сажал и расстреливал?

Вот таким же жарким летом пятьдесят третьего вернулся из многолетней «геологической разведки» молчаливый чужой мужчина, никак не ассоциировавшийся со словом «отец». Несколько дней просидел на скамейке у забора, набивая махоркой и выкуривая самокрутки, которые выходили у него причудливо изогнутыми, словно трубки. Затем схватил железной лапой пробежавшего мимо сына и, сняв ремень, тут же, на улице, без причины выдрал! После этого все стало на места, и Ванька, сквозь слезы, понял, какое это счастье, когда есть отец.

Через некоторое время папаша решил, что нечего чаду болтаться без дела, и занялся образованием. Наняв двух евреев, заставил вдалбливать сыну английский и испанский. Немецкому учил его сам. Метод воспитания был универсален и доходчив. Учителям он платил, исходя из того, насколько сильно они драли его сына.

Иван вырос полиглотом и антисемитом. Но отец не дождался этого светлого для себя часа, он вообще скоро посчитал свой родительский долг выполненным и запил. Однажды его нашли на парашютной вышке с заточкой в боку... И тогда запомнилась фраза, невзначай обретенная кем-то: «Жил, как сука, а кончил, как вертухай!»

2

Раз с утра такая духота, наверняка давление подскочит. Копчик машинально нащупал упаковку с таблетками эуфиллина и потянулся за водой. Графин был пуст. Проверил чайник. Оказалось, в доме ни капли воды. Впрочем, этому обстоятельству он скорей обрадовался.

Несмотря на то что на дачные участки был проведен водопровод, Иван Силантьевич пользовался водой исключительно из источника. Родник был освящен, и сам батюшка не гнушался испить из него студеной водицы. Специально для этого каждый день, кроме воскресенья, приезжал здоровый бритоголовый парень с двумя алюминиевыми емкостями и наполнял их. А дачники единодушно проголосовали об открытии второго, охраняемого, входа на территорию дачных участков, исключительно для пешеходов.

Копчик взял небольшой двухлитровый бидончик и, неторопливо спустившись по ступенькам, вышел на посыпанную битым кирпичом дорожку.

У проходной он застал компанию молодых людей, которые вчера здорово потрепали ему нервы ночными воплями под музыку, за которую раньше запросто сажали. По всей видимости, они забыли пропуска и теперь охранник не желал выпускать их за территорию. Иван Силантьевич возрадовался, что его поход не будет испорчен шумом и гамом. Он терпеть не мог этой молодежной несдержанности. Копчик заранее вынул пропуск и готовился его предъявить, как всегда, в раскрытом виде, несмотря на то что охранник знал его лично уже не первый год.

Одна из девиц неожиданно бросилась к Ивану Силантьевичу, словно к родному, и, прижавшись всем телом, обняла, чмокнув в щеку. Пенсионер, привыкший к мягким женщинам, внезапно почувствовал неведомую упругость. Сердце старого дурака затрепетало и невольно напугало.

– Вот мой дедушка! Он нас проводит до родничка и обратно! – объявила девица.

Наглецы победно уставились на охранника. Однако Копчику совсем не хотелось быть игрушкой в руках кого бы то ни было. Он отстранил от себя девицу и, делая вид, что не понимает, что от него требуется, спокойно прошел, услышав вслед:

– Ах ты, старый хрен! Ничего не видит, не слышит и вообще не мое, мол, это дело? Ну, держись, дедуля! Вернешься, все бабке расскажу!

Но даже эта семейная сцена на охранника не подействовала.

– Ладно, – произнес рыжий парень спортивного телосложения, – все они здесь придурки! Пойдем за пропусками!

Компания шумно повернулась и отправилась обратно в поселок. А довольный Иван Силантьевич спокойно пошел по тропинке, стараясь соизмерять шаги с ритмом сердца.

Путь шел через сосновый бор, посреди которого, в принципе, и вырос дачный поселок. Но в лесу сосны росли густо и всегда стоял пьянящий аромат эфирных масел. Минут через пятнадцать показался мосточек через овраг, по дну которого протекал ручеек, берущий начало от источника. Это было самое неприятное место. Слишком уж хлипко выглядело убогое сооружение.

С обратной стороны, отчаянно цепляясь за поручни, полз белый как лунь альбинос Стервис. Перейдя, он отдышался и поприветствовал:

– Здравствуй, Иван Силантьевич. За водичкой с утраца намылился?

– Доброе утро, Карл Янисович, – ответил Копчик. – И откуда у тебя этот жаргон?

– Стараемся идти в ногу со временем! – похвастался белобрысый ровесник революции.

– Я и вижу. Ха-ха, – усмехнулся Иван Силантьевич. – Мосток-то как? Держится?

– Не говори, – мотнул головой блондин. – Того и гляди рухнет. Вот помани мое слово.

Сорвется с него кто-нибудь, шею сломает.

– И ведь никому нет дела! – воскликнул и, тут же вспомнив о сердце, обмяк Копчик.

– Да, сейчас никому ни до чего нет дела. Эх, будь я помоложе! Я в те годы... – неожиданно задумавшись, собеседник смолк.

– Что? – усмехнулся Иван Силантьевич. – Срубил бы новый мост?

– Нет, – вполне серьезно ответил Стервис. – Пригнал бы взводик солдат.

– Ну да, представляю, что солдаты выстроят.

– А зачем им строить? – хитро прищурился Карл Янисович. – Они с винтовочками бы вон там прогуливались, пока те, кому положено, не соорудят.

– Ну и шуточки у тебя! – слегка возмутился Копчик.

– Ладно, не прикидывайся, – ухмыльнулся, вытаращив глаза, прибалт. – Свои люди.

От его немигающего взгляда у Ивана Силантьевича от затылка к спине пробежали мурашки.

– Отважный человек был Ленин. Не боялся в свою гвардию латышей набирать, – поделился Копчик своими размышлениями.

– Все очень просто. Отец рассказывал. Дело в том, что они языка не понимали. Их сагитировать было невозможно! – ответил, перед тем как продолжить свой путь, потомок одного из стрелков.

Иван Силантьевич кое-как перебрался через мостик и, обогнув небольшой холм вышел к источнику.

Оформлен он был по всем правилам. Внизу располагался деревянный сруб небольшого колодца, в который, журча, падала студеноя струя. Огорожено место было невысоким частоколом в духе древних кремлей. Тропинка выходила прямо к резным воротцам, запираемым на небольшой засовчик. Внутри же загончика стояла пара скамеек да памятная доска, провозглашающая открытие и освящение источника. Все было сделано для того, чтобы душа радовалась и отдыхала.

Копчик набрал воды. Отхлебнул из бидончика. Но глотать не стал. Такую ледяную выпьешь, так и ангину схлопотать недолго! Наконец, решив, что вода достаточно согрелась, сделал глоток. Хороша!

Блаженство длилось несколько мгновений. Затем вновь полезли дурные мысли. Вот ведь Янисович служил еще при Сталине. Кровищи на нем, должно быть, немерено. Ан нет, не видно, чтобы совесть мучила. А может, это он днем хорохорится, а по ночам спать не может? Вызвать на откровенность? Ведь не ответит, старый чекист.

3

Со стороны поля практически бесшумно подкатил «мерседес». Автомобиль остановился. Дверца с затемненными стеклами отворилась, и явился отец Пафнутий. Вскочившему было Ивану Силантьевичу батюшка кивнул всклокоченной головой и, спустившись, припал к журчащей струе. Пил долго, жадно, словно корова на водопое. Затем сунул голову под воду и, разбрызгивая в стороны капли, заурчал. Наконец, потушив пожар внутри и снаружи, присел рядом и произнес:

– Хорошо-то как, Господи!

– Да, – неопределенно поддержал Копчик.

– Я так скажу. С похмелья эта водица лучше девицы, – лукаво усмехнулся священник, от которого несло сильнейшим перегаром.

Особу духовного звания, видно, тянуло поговорить, но собеседник попался какой-то совершенно неподходящий. И тогда он решил расшевелить Ивана Силантьевича.

– Голова управы завалился – в баньке при подворье попариться. Глаза поутру продрал, – объяснил он свое состояние, – три дня пролетело, как в раю!

– А не грех?

– Так греха-то нет! – усмехнулся отец Пафнутий. – Не возбраняется бражничать.

– А как же служить примером?

– Заметь, сам сказал, служить! На Руси издревле повелось так, что службой именовали труд воина и священника. А нынче придумали еще и актера! Нравится не нравится, тверез или в стельку пьян, болен или здоров, никого не интересуется. Надо идти и достойно выполнять долг. Вот в этом и есть подвиг служения.

– С военными и священниками еще понятно, а актеры? Живут в свое удовольствие, в лучах славы купаются.

– Не скажи. На одну звезду несколько тысяч непризнанных, неизвестных, которые никогда к славе не прорвутся, а талант прет наружу, не позволяет ничем другим заниматься. У меня в приходе был один артист. Тридцать лет в провинциальном театре за гроши играл двадцать первого богатыря в свите Черномора. Пил по-черному, но как спектакль, он преображался и отработывал на износ, а затем падал никакой! Вот это и есть служение.

– Я как-то все время встречался с лицами духовного звания непорочными и безгрешными, – усмехнулся Копчик. – Ты, часом, мил человек, не расстрига?

– Ну вот, это распространенное заблуждение: если служитель культа, то должен быть святым, – ровным голосом произнес батюшка. – А мы – люди обыкновенные, со своими слабостями, недостатками. Главное, жить в согласии со своей совестью, тогда и душе светло, и Бог, глядячи, радуется!

– Может, я сейчас богохульствую, а вот ответь мне, темному, батюшка. Есть ли вера без недостатков?

– Вера их и не имеет, а вот любая религия сколько угодно. И чем ближе к Богу, тем больше, – улынулся священнослужитель. – Сейчас попробую объяснить. Вот что подбило тебя задать каверзный вопрос? Не знаешь. А никогда не замечал людей, которые пытаются втянуть в дискуссию необразованного, но религиозного человека или поставить верующего человека в тупик хитрым вопросом? Если приглядеться, глаза у них в этот момент начинают светиться нехорошим огнем. Так это – нечистый. Задумал как-то он свою религию создать. Да не такую, какие на Земле сами возникли, а красивую и правильную, чтоб без недостатков. Вот тогда люди к нему и повалили бы. Порешил побегать да разузнать, каковы они, недостатки. А их оказалось столько, что носится неугомонный до сих пор по свету и вопросы задает. Затем посчитает, что

все красиво, и создаст религию. После присмотрится – нет совершенства, и вновь бросается искать. Так секты и возникают.

– Никогда такого не слышал.

– Так ты с кем общался? – произнес отец Пафнутий. – С двоечниками и лоботрясами. У нас в семинарии две трети свято считали, что зубрением догм можно вечное блаженство заработать. У них мозгов и до поступления в бурсу не было, а под конец способность мыслить вовсе утратили, не говоря о способности сердцем слушать. А тут ведь глубже надо воспринимать, печеночкой чувствовать.

– Мудрено излагаешь, – вздохнул Копчик. – Я военный. На примерах доходчивей.

– Вот, берем младенца. Чуть пуповина заросла, а мы его с головой – да в купель. А нам говорят: нельзя против воли. Пусть вырастет, созреет, а потом сам выбирает веру по душе! Ну, скажем, баптисты так и поступают. Вроде все правильно и демократично, но вот только случись что, а человек-то не крещен! Вот и носится душа неприкаянной.

– Скажи, батюшка, а покаянием можно камень с души снять? – задал мучивший его вопрос Копчик.

– Мало того. Только покаяние и может помочь, – ответил поп.

– А если не крещен?

– Тогда какое же покаяние?

– Извини, что пристал, но для меня это очень важно. Креститься с грехом можно?

– Конечно! – рассмеялся отец Пафнутий. – Если грех не смертный.

Копчик замолчал, опасаясь выдать себя. Однако настоятель растолковал его задумчивость по-своему:

– Главное, чтобы человек созрел. Вот после этого и до момента крещения наступает самый опасный для него отрезок времени. Так что после полудни я в храме. Не затягивай, все под Богом ходим.

– А что же делать сейчас? – спросил Копчик.

– Будь бдительным и помни: ты не один. Присматривайся к знакам, приметам, прислушивайся к сердцу. Оно не обманет.

Затем батюшка встал, давая понять, что разговор окончен, и, не прощаясь, словно зная наверняка, что сегодня они еще встретятся, пошел к автомобилю.

После разговора не полегчало. Однако мысли полезли в голову всякие. «А вдруг и вправду станет легче? А почему бы не креститься, почему не покаяться?»

Иван Силантьевич некоторое время сидел под березой. Затем тихонько встал и, соблюдая всяческую предосторожность, побрел к дому, перебирая в памяти, кого можно пригласить в крестные. В голову почему-то, кроме зловещего лютеранина Янисовича, никто не шел. И воображение рисовало какие-то кровавые сцены, словно в кошмарном сне.

Копчик приблизился к мостку. Он уже занес ногу, однако, прислушавшись, замер. Из зарослей доносились голоса и женский раскатистый смех.

Пенсионер криво усмехнулся и, оглянувшись, забрался в заросли малинника. Вскоре появилась веселая компания. Молодые люди остановились у мостика.

– Я через этот чертов мост не пойду, – произнесла девушка с огромными черными глазами, – даже ради самой святой воды.

– С чего ты взяла, что он чертов? – спросил усатый.

– А что, не видно?

– Ага, построил себе и прячется в кустах, тебя караулит! – заржал рыжий.

– Я тоже не полезу! – ударились в амбицию «внучка». – Разве только мужчины снизу его подпрут своими торсами!

– С удовольствием! – воскликнул усатый. – При условии, что Леночка пойдет первой!

– Хам и нахал! – ответила девушка в короткой юбочке.

– Неужели мы останемся без воды? – капризно спросила девица с печальными глазами.
– Ладно, стойте здесь, – принял решение рыжий. – Я мигом.

Парень, разбежавшись, легко перескочил через двухметровый овраг рядом с мостом и скрылся за бугром.

Молодые люди остались его ждать. Усатый приблизился к той, которая только что возмущалась. Прижал ее к березке и запустил руку под юбочку. «Внучка» озорно улыбнулась и, подойдя к парню со спины, задрала его футболку. Затем как кошка процарапала ногтями несколько розовых бороздок...

Копчику не оставалось ничего, как глупо сидеть в кустах. Он уже обжег крапивой руки и порядочно искололся иголками. Ему не терпелось выбраться, однако печальная девица, не обращая внимания на творившееся за ее спиной безобразие, продолжала сидеть на краю оврага и смотреть в сторону малинника. Несколько раз генералу показалось, что она видит его сквозь листву.

Наконец появился рыжий с тремя пластиковыми бутылками, успевшими запотеть от студеной водицы.

– Ого! – заорал он. – Вы, я вижу, без меня времени не теряли!

Прижимая бутылки рукой к груди, обратно он не стал сигать как козел, а переходил по мостику мелкими шажками.

Наконец терпение Ивана Силантьевича лопнуло. Внезапно решив: «А почему бы пожилому человеку не пособирать малины в лесу», он начал выбираться.

Копчик раздвинул листву и увидел наполненные ужасом глаза девушки, схватившейся за грудь и дико завопившей. Парень, находившийся на серединке мостика, внезапно дернулся, роняя драгоценные бутылки. Схватился за поручень. Но гнилое дерево под ним рухнуло, и он медленно, словно в кино, полетел вниз. Следом обрушились остатки хлипкого сооружения.

Вторая девица тоже заверещала. Копчик шкодливо спрятался. Теперь другого пути не оставалось, надо было давать кругляя через шоссе. Это верст на пять потянет, ну да, делать нечего. Пенсионер повернулся и, подобрав подходящую в качестве посоха палку, побрел.

В пути он попытался осознать, имеет ли какой смысл это его приключение и есть в нем вина его лично? Однако понял одно. Разобраться, кто прав, кто виноват и что бы могло случиться, человеку не дано. Допустим, не появился бы он и девушка не испугалась? Сломался бы тогда мостик? А может, она испугалась, увидев падение парня? Или увидела нечто за спиной Копчика? От этой мысли дрожь пробежала по спине. Иван Силантьевич резко обернулся. Сзади никого не было. А может, и было, но видеть дано не каждому? Сердце пронзила колющая боль. Пенсионер опустил на траву и постарался успокоиться. А ведь парень на себя принял то, что предназначалось ему!

У Ивана Силантьевича закружилась голова. Он осмотрелся и не понял, где находится. Ввысь тянулись голые осиновые стволы. Место было совершенно незнакомое. Куда идти, тоже было непонятно. Открутив крышку с бидончика, он начал пить воду огромными глотками. Голова сразу прояснилась. Солнце светило ярко. Копчик радостно умылся и уверенно направился туда, куда указывали тени.

Вскоре послышался шум автомобилей. Иван Силантьевич вышел на шоссе, ведущее к дачным участкам. Посмотрел на часы. Без пятнадцати двенадцать! В два часа должен был подъехать «писака».

Ивану Силантьевичу было о чем рассказать молодому поколению. Кроме того, покоя не давали подаренные мемуары Гришки Кленова. Безликая серость, и карьеры-то сделать не мог. А почитать, так герой нашего времени! И ведь почти все правда, ну, может, слегка приукрашенная. Но Гришка и рапорта не мог сострять! Подполковником ушел.

Наслушавшись комплиментов, он растаял и сдал своего борзописца. Теперь тот работал с Копчиком. Генерал даже придумал обложку. Огромный такой ястреб, чтобы сразу было ясно, что копчик – это хищная птица, а не позорный отросток!

За неделю бывший генерал надиктовывал на оставленный ему цифровой диктофон восемь часов воспоминаний и размышлений. Затем приезжал Роберт и привозил уже отпечатанный текст. Копчик читал его и радостно понимал, что написанному суждено стать шедевром. Знал свое дело чертяка!

Судьба распорядилась так, что работать Копчику пришлось с человеческим материалом. И чем глубже он становился знатоком душ, тем сильнее люди его разочаровывали. Иногда ему казалось, что с таким народом никогда не построить светлое будущее. И только стараниями карательных органов можно загнать это порочное стадо в коммунистический рай. Сколько сил требовалось, чтобы одного-единственного человека направить в нужное русло!

Самой большой проблемой оказались всесторонне развитые интеллектуалы. При общении с ними Копчик начинал чувствовать свою убогость и серость. Ему казалось, что они специально читают книги, чтобы при удобном случае унизить его, и начинал взрываться, естественно, не достигая цели.

Однажды, еще во времена молодости, когда память о Сталине была свежа, после тяжелого разговора с одним софистом, сыпавшим именами и цитатами классиков марксизма, из которых следовало, что руководство страны ведет неправильную политику, Иван Силантьевич в припадке бессильного бешенства высказал своему начальнику крамольную мысль, что если раньше он относился к умникам с уважением, то теперь начинает их ненавидеть!

На что чудом выживший представитель старой гвардии хитро прищурился и, подойдя к полке, вытащил древнюю толстую книгу. Он положил ее на стол, и Копчик прочел: Шан Ян «Книга правителя области Шан».

Раскрыв на середине, начальник произнес:

– Самое знаменитое китайское проклятие: «Жить тебе в эпоху перемен», и знаешь почему? Оказывается, в Поднебесной были времена, когда столетиями ничего не менялось. Тогда был открыт основной закон стабильности общества.

Копчик пробежал глазами по подчеркнутым красным карандашом строкам: «Искусство управления страной заключается в умении удалять умных и глупых... чтобы одаренные не могли принести пользы, а бездарные вреда». Мгновенно все стало на свои места. Он понял свою роль и задачу органов в целом. После этого карьера круто пошла в гору.

И вот оказалось, что все было напрасно. Он понял, что приходит конец стабильности, когда к власти пришел человек, невероятным образом сочетавший в себе ум и глупость.

Теперь, на старости лет, мало того что никто спасибо не скажет, так еще и уколоть норвят. А ведь недалек день, не погнушаются и пнуть беззубого цепного пса.

Одновременно на часы посмотрел еще один человек. Он находился на даче Копчика и терпеливо ожидал возвращения хозяина. Этот мужчина не имел никакого отношения к литературе. Он давно бы ушел, но дело было важное, и гость принял решение подождать еще час.

4

Копчик стоял на дороге у столба с цифрой «три» на синем указателе. Это означало, что ровно три километра было до села Охепково, в центре которого возвышался храм отца Пафнутия, и ровно три километра в обратную сторону, до дачного кооператива «Держинец», посреди которого находилась уютная дачка генерала. Он перешел на другую сторону дороги и стал голосовать, пытаясь поймать попутку до Охепкова. Несколько автомобилей промчалось в

сторону участков. В обратном же направлении не проехало ни одного. Обычно было все как раз наоборот.

Внезапно остановился «пассат» соседа по даче. Тот вышел и прогудел:

– Что, Силантьич, в деревню собрался?

– Да, – чего-то застыдившись, промямлил Копчик.

– Какие могут быть у тебя дела в деревне? – удивился сосед.

– Да так, дела, – пожал плечами Иван Силантьевич. – Бабу одну надо навестить.

– Ну, гвардия! Вы даете! – восхитился сосед, добавив: – Я туда после трех на лесопилку поеду. Рамы для веранды заказал. Если терпит твое дело, могу подбросить.

Копчику предложение показалось весьма заманчивым, и он сел в автомобиль, помчавший его прочь от храма. Сердце, предчувствуя неладное, заломило. Однако просить водителя остановиться и высадить на дороге он постеснялся.

Поднимаясь по ступенькам, Иван Силантьевич опустил руку в карман и нащупал корпус диктофона. У него появилась новая мысль, и он, нажав на кнопку записи, открыл дверь на веранду и замер. Ему показалось, что в доме кто-то есть. Он осторожно вошел в гостиную и увидел молодого человека. Это мог быть какой-нибудь друг писателя или курьер, но Копчику сразу стало нехорошо.

– Ты, собственно, кто? – пытаюсь сдержать испуг, спросил Иван Силантьевич.

– Я? – переспросил молодой человек. – Сейчас объясню. Присаживайтесь. Разговор у нас будет долгий и тяжелый – для вас.

Хозяин дачи сел, словно был гостем, и произнес:

– Боюсь, долгого у тебя не получится.

– А я не боюсь, – ответил парень. – Мне времени хватит. Вот думаю, с чего начать...

– А ты начни с главного! С цели визита! – обозлился Копчик.

– Вы генерал КГБ Копчик? – спросил молодой человек.

– Ну! – кивнул генерал.

– Служили в Германии в семидесятых?

– Допустим, и что с того?

– Тогда я пришел за вами, – без эмоций произнес парень.

– Бред какой-то! – Копчик пожал плечами.

– Напротив, Виталий Покровский, сын генерала Покровского и Галины Ивановны, к вашим услугам, господин убийца...

5

Покровский!

Яркая вспышка в памяти высветила то событие, которое Иван Силантьевич старательно пытался забыть, стереть, но оно возникало, правда все реже и реже, и тогда что-то прямо-таки ухало под сердцем и становилось невозможно дышать...

И дело-то, Господи, о чем там говорить! Впервой, что ли, при его-то работе? А вот гляди ж ты... всплывало...

Был он в те годы, семидесятые, еще майором. Служил в Германии и скоро усвоил простую истину: Россию лучше любить на расстоянии.

Он дослужился до начальника особого отдела дивизии и, получив очередное повышение, был отозван в Москву и слонялся по коридорам Лубянки, которая никак не ассоциировалась у него с понятием «центральный офис, штаб-квартира, или альма-матер».

А при каждой встрече со своим непосредственным начальником, полковником Лесковым, не упускал возможности понять относительно того, что устал без оперативной работы.

И вот Лесков вызвал Копчика и познакомил с капитаном Воронцовым из контрразведки. Приехавший только что из Германии капитан представил факты утечки информации за рубеж. Впрочем, они были не новостью, коллеги из Штази уже предупреждали о фактах предательства. Неожиданным же стало предоставление документов, из которых следовало, что предателем был ни много ни мало командир одной из дивизий генерал Покровский.

Еще лейтенантом этот Покровский поучаствовал во взятии Берлина. Лесков достаточно хорошо разбирался в людях, поэтому к подозрениям туповатого коротышки-капитана отнесся не слишком серьезно. Вот он и поручил Копчику проверить достоверность информации и, если она соответствует действительности, немедленно арестовать генерала. И сделать это максимально тихо.

Столковавшийся по работе Копчик с ходу взялся за дело. А Воронцов стал убеждать коллегу в том, что арест все равно вызовет шум, уж слишком видной фигурой был генерал в местном масштабе. Да и в руководстве Группы войск пользовался определенным авторитетом. А свои – своих, как известно, не сдают. Копчик, не совсем понимая причину настойчивости капитана, все же заподозрил, что тут могло быть что-то личное. Однако Воронцов всякое личное отрицал категорически и исподволь подводил Копчика к мысли о том, что с арестом у них ничего не получится, а лучше просто убрать предателя, инсценировав его самоубийство.

Копчик долго раздумывал и пришел к выводу, что, скорее всего, Воронцов прав. Тем более что отдельные факты при проверке находили подтверждение. План операции они детально разработали. Осталось лишь доложить начальству. Лесков, недолго думая, дал добро...

В ту трагическую для себя пятницу генерал Покровский вернулся с очередного разбора полетов хорошо поддатым и сразу завалился спать. Речь на закрытом совещании шла об очередных утечках информации, однако чекисты, вместо того чтобы заниматься своими прямыми делами, разводили демагогию. Откуда же ему быть – хорошему настроению? Сильно пьяным своего мужа супруга генерала, красавица Галина, не видела никогда. Единственным критерием степени опьянения было время, которое ему требовалось для засыпания. Сама же она собиралась сегодня в баню.

Уложив сына спать, она отправилась по своим делам.

Ее отсутствием в доме и воспользовались Копчик с Воронцовым. Все получилось – лучше не придумаешь. Боясь разоблачения, пьяный генерал из своего же пистолета пустил себе пулю в лоб. А чтоб было не слышно другим, он накрылся с головой одеялом...

Операция закончилась быстро. Одного только не учли чекисты – в гарнизонной бане в тот день не было, в связи с каким-то мелким ремонтом, горячей воды. И Галина раньше времени вернулась домой.

Она удивилась, что дверь дома не заперта. Войдя в просторный холл дома, когда-то принадлежавшего немецкому бюргеру, увидела два темных силуэта на фоне оконного проема. Испуганная женщина бросилась к выключателю и на секунду ослепла от яркого света.

Она узнала Воронцова, на лице которого отразился настоящий ужас. Капитан рылся в бумагах ее мужа. А второй, который был с ним, выхватил пистолет и выстрелил в нее, но промахнулся.

Вскрикнув, Галина кинулась к лестнице на второй этаж, в спальню, где находился муж. Раздался новый выстрел, и боль обожгла ей правую лопатку. Убийца бежал за ней и догнал наконец уже в спальне. Она кинулась к лежащему на кровати мужу и сдернула одеяло...

За спиной раздались выстрелы, и она упала, заливая своей кровью мертвого уже генерала.

И тут, вспомнил Копчик, произошло нечто невероятное. Этот мерзавец, этот кривоногий коротышка Воронцов, ворвался следом в спальню и, дико закричав, бросился к женщине, истерично рыдая и обнимая ее окровавленное тело.

Позже Копчик узнал: оказывается, этот урод был давно и безнадежно влюблен в генеральскую жену и мечтал любым способом избавиться от ее мужа. На что он надеялся, непонятно...

Но тогда надо было действовать немедленно, пока не появились новые свидетели, – и так уже напортачили. Вся надежда, что расследование самоубийства генерала, убившего в пьяном виде и свою жену, поручат опять же им, чекистам.

Воронцова срочно вывезли в Москву и поместили в психо-неврологическое отделение кагэбэшного закрытого госпиталя. А Копчик временно занял его место и сделал все, чтобы замаять свое участие в убийстве. Настоящим же ударом для него оказалась полная невиновность генерала Покровского, которая открылась спустя два месяца, когда настоящий предатель бежал на Запад.

Теперь их судьба была полностью в руках Лескова. Стоило тому произнести одно слово, и Воронцов с Копчиком оказались бы... Да какая разница где?.. И ради того чтобы он не произнес этого слова, они готовы были на все. Лесков это хорошо знал и позволял им дышать, используя, по мере надобности, в своих целях...

6

...Копчик внезапно посинел и, разрывая пуговицы на рубахе, обнажая грудь, хрипло выкрикнул:

– Это не я, нет! Воронцов, сволочь! Его штучки! А я – не виноват! Ах, не успел!

Затем, опрокидываясь, зашептал быстро и просительно:

– Нельзя мне сейчас умирать, понимаешь, мне креститься надо! Креститься! Окрести меня, заклинаю!..

Виталий Покровский встал, обошел рухнувшее на пол тело и, наклонившись, профессионально положил указательный палец на артерию. Растерянно пожал плечами. Затем посмотрел на оголенный белый живот трупа. Неожиданно из рукава Виталия выпал и звонко ударился о пол самодельный нож. Рукоятка его была выполнена в виде распутия...

Глава вторая ОЧЕВИДНОЕ И НЕВЕРОЯТНОЕ

1

Помощник генерального прокурора Александр Борисович Турецкий, развалившись в кресле, тыкал пальцем в кнопки телевизионного пульта и никак не находил хоть что-нибудь, на чем мог бы остановиться глаз. По всем каналам шли отечественные сериалы, о существовании которых он знал, но не больше.

С кухни доносилось шкварчанье и долетал запах жареного мяса. Понятие «нормированный рабочий день» в семье Турецких вызывало нервный смех, поэтому ужин начинал готовиться, когда раздавался телефонный звонок и звучало сообщение: «Голоден как собака, буду минут через семь».

Это в ночное время путь от Большой Дмитровки до Фрунзенской набережной занимал не больше пяти – семи минут. А в вечернее лучше было не зарекаться. В последнее время дорога стала просто непредсказуема. Вдруг всем водителям одновременно приходила в голову убийственная мысль: «А не поехать ли мне именно этой улицей?» Самое интересное, что и на второй день те же автомобили встречались в том же месте и в то же время, потому что, поклявшись больше на эту улочку никогда не соваться, каждый втайне надеялся, что и остальные поступят именно так.

Сегодня Турецкому повезло. Он пролетел по практически свободным улицам и теперь не знал, чем заняться, пока готовился ужин. В принципе, достаточно было озвучить этот вопрос, как Ирина тут же нашла бы бесчисленное количество дел, считающихся мужскими, и еще множество других, постепенно переходящих в эту категорию. Если от мытья посуды ему удавалось отрешиваться, то возразить против аргумента: «Не может же приличная женщина со свежим маникюром взяться за ручку этого ужасного мусоропровода!» – он ничего не мог.

Зазвонил телефон.

– Меня нет! – крикнул Турецкий.

– Я не могу взять трубку, – услышал он в ответ. – Руки жирные!

– Наглая ложь! – крикнул упорно не желавший подниматься из уютного кресла Турецкий. – Руки у тебя тонкие и изящные.

– Ну вот, – расстроено донеслось с кухни. – А вдруг что-нибудь важное?

– Солнце мое, поверь старому гончому псу, если бы случилось что-нибудь важное, телефон звонил бы не умолкая, ему подтягивал бы мобильник, под окнами выла сирена, а на крышу дома уже садился бы вертолет!

– Шур, – немного спустя произнесла Ирина, оставив плиту. – Мне кажется, я знаю, кто это был. Может, я не права, но я тебе небольшой сюрприз приготовила.

– Да? – насторожился Александр Борисович.

Турецкий не только не любил сюрпризы, которые время от времени преподносила ему супруга, но где-то и боялся их. Как правило, под ними подразумевалась покупка очередной абсолютно бесполезной вещи.

– Это для вас, героев, важным может показаться похищение президента или захват ядерного авианосца, а нам, простым смертным, бывает хорошо и от маленьких семейных радостей! – произнесла она.

– Ирина! – Турецкий напряженно приподнялся с кресла. – Ты меня начинаешь пугать!

– Помнишь, когда покупали угловой диван, сильно расстроились, что под него нет в комплекте кресла? – продолжила она.

– Да, – подтвердил Турецкий, отлично припоминая, что он-то этому обстоятельству как раз несказанно обрадовался.

– Прохожу мимо мебельного. Смотрю, возле нашего диванчика плакат висит. А на нем изображен комплект с креслом. Мне чуть плохо не стало. Ну ворвалась в магазин, пробила все преграды и заказала креслице той же самой обивки!

– Может, еще не поздно отказаться?

– Мне кажется, что это были они.

В этот момент раздался уверенный звонок в дверь. И громкий голос позвал:

– Хозяин!

– Давай не будем открывать? – предложил Турецкий.

– Шурик, ты иногда ведешь себя как маленький! Поздно. Все уже оплачено.

Турецкий поднялся и, лениво шлепая тапочками, пошел открывать. Через некоторое время раздался его тревожный голос:

– Ирина!

Прибежавшая супруга в изумлении остановилась. На площадке у лифта стояли двое работяг в синих комбинезонах. А между ними кресло. Но не просто кресло. Это было супер-кресло. Какой-то монстр среди кресел, больше похожий на трон. Оно занимало практически все свободное пространство.

Один из работяг посмотрел на бумагу и спросил:

– Турецкий Александр Борисович?

– Да, – ответила за мужа Ирина.

– Распишитесь в получении, – произнес, протягивая лист, грузчик.

– А может, занесете в квартиру? – предложила женщина.

– Не. Не пройдет, – уверенно заявил один из доставщиков. – Мы еле по лестнице затащили.

– Да, – добавил второй, разглядывая выражение лица Турецкого, – согласно пункта пятого договора с клиентом мебель, сделанная по заказу, обратно не принимается.

– Э-э-э, – заржал его напарник, – кому она нужна такая!

Затем они развернулись и ушли. Ирина подняла глаза на остолбеневшего мужа.

– Шуринька, – всхлипнула она. – Это я виновата. Дура я полная! Я же его не видела. Только на картинке. Там оно показалось маленьким и уютным. Ну что ты молчишь?

– А размеры там были?

– Да. Но я не обратила на них внимания. Кресла, они же везде практически одного размера. Давай, может, боком как-нибудь втащим? – предложила жена.

Турецкий медленно повернулся и ушел в комнату. Через некоторое время вернулся с рулеткой. Сделал измерения и, упав в кресло, задумался.

– Ну что ты опять молчишь? – нервно спросила Ирина. – Давай двигай, разворачивай, делай же что-нибудь! Ты же мужчина!

– Ира, эта дверь – восемьдесят сантиметров шириной, а та, в комнату, еще уже! – стараясь произносить громко и внятно, объявил Турецкий. – А ширина кресла метр сорок, длина метр пятьдесят и высота метр семьдесят!

– Ну и что?

– Как метр семьдесят пролезет в восемьдесят сантиметров?

– Ничего не могут! У нас, когда мы рожаем, никто не интересуется, как такой большой ребенок пролазит в такое маленькое отверстие. Надо – и все! – воскликнула, заревев, жена и убежала в квартиру.

Турецкий, вооружившись топором, подошел к монстру. Однако рука не поднялась уничтожить творение рук человеческих. Вот если бы дизайнер этого чуда природы положил бы на него, как на плаху, голову, колебаний было бы значительно меньше.

Теперь становилось делом принципа затащить этого троянского коня. Пускай стоит вечным символом женской глупости! Обследовав конструкцию, Турецкий смог разобрать кресло на две части, а затем, сняв двери и поносив косяки, путем невероятных усилий все же затащил половинки в комнату, в результате чего она сразу резко уменьшилась в размерах.

Едва он закончил собирать сооружение, как мобильный телефон разразился звоном одновременно с домашним. На всякий случай жена выглянула в окно и увидела там автомобиль с синим проблесковым маячком. Теперь она не желала, чтобы бралась трубка. Однако определитель высветил «К. М.». Значит, звонил сам заместитель генерального прокурора Меркулов. Проиигнорировать его было невозможно.

– Слушаю, Костя! – ответил Турецкий.

– Сань, у меня ощущение, что ты только что занимался перетаскиванием тяжестей.

– Да так, покидал немного гири, чтобы форму поддержать.

– Странно, не помню, чтобы у тебя такое когда-нибудь водилось.

– Ими обычно дочка с женой балуются, – ответил Турецкий.

– Ну-ну, – пробурчал Меркулов. – В окно давно выглядывал?

– Так, Костя, я же, как слышу телефонный звонок, первым делом к окошку бегу.

– Водитель уже проинструктирован. Едешь прямо по Калужскому шоссе в сторону Троицка до второго светофора – и направо с километр. Дачный поселок «Дзержинец». Пару часов назад вытряхнули кишки из генерала в отставке Копчика.

– Как я понимаю, он из «конторы»?

– Да. И следствием, по всей видимости, займется их служба собственной безопасности, поэтому пока требуется твое личное присутствие и формальное возбуждение дела прокуратурой.

– Постой, но это же за МКАД? Мы-то каким боком касаемся этого дела? Пусть областная прокуратура и возбуждает.

– Сейчас объясню, Саня. Это дачный поселок для генералитета КГБ, и статус ему отгрохали, дай боже. То, что это кусок Москвы, ладно, их немало, но он считается еще и частью Центрального административного округа, со всеми вытекающими последствиями. Так что можешь считать, генерала демонстративно пришили на Красной площади. Впрочем, вроде как у них есть подозреваемый, но сдается мне, это просто козел отпущения. Если не успеешь, сам знаешь, концы в воду и близко уже не подпустят. А так можно будет и «контору» за одно место поддержать. Это надо не мне, это надо генеральному. Поэтому дуй на место преступления и разберись во всем сам.

2

Через полчаса служебная «Волга» Турецкого затормозила у распахнутых синих ворот. Дорогу преграждал шлагбаум. Из дежурки немедленно выскочил крепкий молодой человек и, склонившись к окошку, стал ожидать действий пассажира.

Турецкий протянул удостоверение и спросил:

– Копчик, это у вас?

– Да.

– Как проехать на место происшествия?

– Так это почти в центре. Прямо до памятника, затем налево. Там увидите, – произнес охранник, добавив: – Извините, мне необходимо получить разрешение на ваш допуск.

Минуты через две он выскочил и поднял шлагбаум. Проезжая мимо, Турецкий попросил водителя притормозить и, высунувшись в окно, подзвал охранника:

– Еще вопрос. У вас, смотрю, серьезная система охраны. Постороннему проникнуть на территорию сложно?

– В общем, да. Контроль идет за всеми автомобилями и посетителями, проходящими через наш пост. Но мы с полгода уже не досматриваем багажники. Поэтому постороннего можно провезти лишь в качестве груза.

– Это единственный путь на дачные участки?

– Со стороны источника также есть небольшой контрольно-пропускной пункт, но только для пешеходов. Однако там режим не менее серьезный, и без пропуска никто не пройдет, – доходчиво разъяснил охранник.

– Вам, наверное, сегодня уже задавали вопросы относительно посторонних и подозрительных личностей? – спросил Турецкий, которому постановка дела начинала нравиться. Круг подозреваемых значительно сужался.

– Да, – мотнул головой парень. – Единственные посторонние – это неизвестная компания на даче Заквасюка. Ребята сильно шумели. Пришлось их немного поутихомирить и заставить приглушить музыку. А утром одного из них увезли с переломом ноги...

Найти дачу, на которой совершилось преступление, не составило труда. Небольшой дом был окружен плотным кольцом из спецавтомобилей. Между ними сновали зеваки. Естественно, никакой речи о следе не могло и быть. Доказательством тому был скучавший поодаль проводник с овчаркой.

Турецкий подошел к нему. Присел и спросил у собаки:

– Ну что, потеряла след?

– Да, – махнул рукой проводник. – Все без толку. Как работать с такими людьми?

– Но поначалу ведь взяла? – продолжил Турецкий.

– Еще как! Но до меня тут будто стадо слонов протопало. Да вроде уже и поймали убийцу.

– А что, остались сомнения?

– Извините, а вы кто будете?

– Я следователь Генпрокуратуры Турецкий Александр Борисович, – произнес Турецкий, показывая старое удостоверение, которое он не спешил сдавать, получив повышение.

У многих людей от общения с высокими чинами напрочь отшибало не только память, но и способность элементарно соображать. Поэтому он старался, где не надо, не кичиться генеральскими погонами.

– Когда-то я работал с одним инструктором, – продолжил Турецкий, – так он уверял, что собака не только способна идти по следу, но и запоминает запахи. И если преступник вернется на место преступления, она его узнает. Это так на самом деле?

– Да. Она и хозяина определяет не столько по внешнему виду, сколько по запаху.

– Я сейчас войду в дом, а ты, немного погодя, словно забыл чего, тоже зайдешь и пройдешь мимо подозреваемого. Быть может, пес его узнает?

Проводник радостно закивал. Турецкий, предъявив стоявшему у ограды старшему сержанту служебное удостоверение, прошел сквозь оцепление на дачу.

– Я следователь Генеральной прокуратуры Турецкий, – произнес он. – Где начальник оперативной группы?

– Майор Сидоренков, – представился человек в штатском.

«Хорошая внешность для разведчика. Очень трудно запомнить подобного человека», – подумал Турецкий, внимательно осмотрев опера.

– Ну, введите в курс дела.

– Убитый – генерал КГБ в отставке Копчик Иван Силантьевич. Тело вывезли, но есть видеозапись. Пройдемте к телевизору.

Он подозвал оператора, и длинноволосый парень в кожаных штанах, быстро промотав кассету, нашел нужный кусок. Тело пенсионера пересекали под прямым углом два глубоких разреза. Один, ужасный, смертельный, тянулся вдоль всего тела от шеи до паха, обнажая вывалившиеся внутренние органы. Другой, скорее символический, шел по груди через линию сосков. Рядом с правой рукой лежал самурайский меч.

Турецкий, поправив пальцем сидевшие на носу узкие очки, кивнул, давая понять, что информации получил достаточно.

– Труп обнаружил наряд, вызванный соседкой, случайно зашедшей к Копчику. Она заметила постороннего мужчину, шарящего по шкафам, и решила набрать ноль два. Задержанный Визгунов Роберт Захарович, – указал Сидоренков на сидевшего у окна понурого мужчину.

Тот, приподнявшись, кивнул, словно его представляют где-нибудь в приличном обществе. Левая рука его была прикована наручниками к трубе батареи отопления. Правой он покрывал лист бумаги пляшущими каракулями.

– От признания в совершении преступления отказывается. Правильно? – обратился к подозреваемому оперативник.

– Да-да, конечно, – подтвердил задержанный. – Отказываюсь.

Турецкий подвинул стул и сел напротив Визгунова. Тот посмотрел на Сидоренкова и обратился к Турецкому:

– От вас, как я понял, зависят моя участь и честное имя?

Турецкий слегка ухмыльнулся левым уголком рта: уж очень обращение напоминало ему растиражированную цитату.

– Я сейчас все разъясню, и вы поймете, насколько нелепо подозревать именно меня в столь страшном преступлении. Я и так получил два страшнейших стресса. А нельзя снять браслеты? Я ведь слаб здоровьем и не бегал лет двадцать. А тут у вас и милиция с пистолетами, и собаки, – произнес подозреваемый, подтягивая ногу обнюхиваемую овчаркой.

Проводник собаки едва уловимо повел головой, давая понять, что это не он, и вышел. Турецкий опять повернулся к подозреваемому, и тот продолжил прерванный рассказ:

– Я литературный, в некотором роде, работник. Вообще, официально числюсь в редакции «Делового состава». Ну а здесь – в качестве хобби.

– Интересное у вас хобби, – не выдержав, вставил опер.

– Знаете, – сделал вид, что не уловил издевки, продолжил Визгунов, – на самом деле страшно интересно помогать людям писать мемуары.

– Это, полагаю, не первая ваша работа подобного плана? – спросил Турецкий.

– Да, мне приходилось уже работать с бывшими представителями правоохранительных органов. И, как вы можете видеть, я абсолютно не подхожу на роль маньяка-убийцы. Я даже котят топить нанимаю за бутылку какого-нибудь человека!

– То есть, вы хотите сказать, что сами мараться не станете? – заинтересовался признанием оперативник. – Если вам понадобится убрать человека, то вы просто наймете специально обученного человека?

– Бога ради, не подсказывайте мне, что я хочу сказать! – раздраженно повернулся писатель. – Я достаточно свободно владею речью, чтобы доходчиво сформулировать свои мысли. Так вот, я приходил к нему по пятницам, и мы работали над очередной главой. Это материал с прошлой недели, после редакторской правки. Автор должен был ознакомиться и внести свои замечания. Я приехал, как договаривались. Дверь открыта. Вхожу, и что вижу? Лежит Иван Силантьевич в луже крови. Я в стрессе! Не могу пошевелить ни одним членом, а тут вваливается наряд вооруженного до зубов ОМОНа. Крепкие парни бесцеремонно извлекают меня из-под дивана и приковывают к трубе!

– Пойдите, пойдите, – опять вмешался Сидоренков. – Можно поподробнее описать ваши действия между оцепенением и извлечением из-под дивана?

Задержанный вздохнул, словно его поймали за непристойным занятием, и, глядя в голубые глаза Турецкого, открыл рот:

– Ну, в доказательствах своей невиновности я не сомневаюсь. Элементарная экспертиза подтвердит мою непричастность. Но есть небольшой вопрос, который очень сильно меня беспокоит. Мы заключили с автором договор, по которому он выплачивает мне гонорар поэтапно – за проделанную работу. Сегодня я должен был получить очередной транш, триста долларов. Те деньги, которые обнаружили в сейфе, были приготовлены для меня. Я понимаю, конечно, что мои мелочные меркантильные интересы по сравнению со смертью смешны и нелепы, но проделана работа! Есть бумаги, подтверждающие каждое денежное вливание. Как вы думаете, у меня есть шанс получить вознаграждение?

– Боюсь, что нет, – ответил, вздохнув, Турецкий. – Смерть автоматически аннулирует все сделки покойного. Впрочем, если бумаги составлены верно и их можно подвести под долговые обязательства, вам стоит обратиться с иском к наследникам. Но сумма может не оправдать даже адвоката. Так что послушайте совета: махните на все рукой и помогайте следствию обрести уверенность в вашей невиновности.

– Я виноват, – театрально тряхнув головой, начал признание задержанный. – Я виноват в том, что не бросился тут же оповещать о трагедии органы, а, находясь в состоянии аффекта, стал искать свои заработанные честным трудом деньги, хотя это говорю не для протокола, а чтобы поняли причину моих метаний. Еще попытку ограбления повесите.

– Скажите, материалы будущей книги могли быть для кого-то опасными или содержащими государственную тайну?

– Вы имеете в виду, не могли ли его убить из-за книги? Не смешите! Я передам вам в любой момент все его воспоминания. Думаю, кроме автора, они никому не могли быть интересными.

– Еще что-нибудь подозрительное, странное заметили? Какие-нибудь автомобили, люди?

– Нет. Ничего не видел.

Турецкий встал, давая понять, что разговор окончен. Вышли на крыльцо. Почти некурящий Турецкий для таких случаев имел с собой пачку неплохих сигарет. Он вынул две и, зажав уголком рта одну, протянул оперативнику вторую. Практически некурящий Сидоренков тоже прикурил и затянулся.

– Ну, что думаешь, майор? Веришь, что он мог? – задал вопрос Турецкий.

– Не. Не тянет на мокрушника. Так, мелкий пакостник. Скорей всего, правду говорит. Немного подержим для профилактики и выпустим. Тут соседка приходила. Жаловалась, что некая Марь Иванна, дом через участок, комнаты свои кому попало сдает. Я проверял. Вид из окна совсем не годится для установки наружного наблюдения. Надо будет хорошенько проверить всех ее последних постояльцев.

– Да и вообще все дачи обойти, – согласился Турецкий. – Что меня смущает, так это второй разрез. Улавливаешь, о чем я?

– Необходимости в нем не было? – догадался оперативник.

– Да. И здесь стоит сильно подумать. Быть может, преступнику спонтанно захотелось еще раз резануть, а может оказаться, что это предупреждение еще кому-нибудь! Или ритуальное действие!

– Уф, аж передернуло, как вы сказали, – прошептал оперативник.

3

Турецкий, прищурившись, разглядел столб пыли. Через минуту к охраняемым воротам дачи Копчика подкатил черный «мерседес». Охранник собрался было проверить документы, но рассерженный голос рывкнул через динамик:

– Быстро открыл!

Тот бросился распахивать ворота. Автомобиль въехал во двор и остановился у крыльца. Задние дверцы распахнулись, и из них выскочили трое крепких парней в штатском. Они профессионально рассредоточились по территории, взяв под наблюдение все потенциально опасные объекты. Затем вышел высокий седой генерал-лейтенант ФСБ.

Генерал поднялся на крыльцо и, протянув руку Турецкому, сказал:

– Если не ошибаюсь, Турецкий Александр Борисович? Слухи о ваших подвигах ходят и по коридорам нашего ведомства. К сожалению, представлены не были. Лесков. Генерал Копчик долгое время был моим подчиненным. И вот... Ниточку какую-нибудь смогли найти?

– Да нет. Тоже приехал минут пять назад, – осторожно ответил Турецкий.

– В общем, вы же понимаете, Копчик занимался делами государственной важности. Поэтому расследованием займется собственное следственное управление. Можете смело возбуждать дело и передавать его нам, – торжественным тоном произнес генерал.

Затем он протянул руку отдававшему честь майору.

– Майор Сидоренков!

– Привет, Павел Викторович, – хмыкнул генерал.

Оперативник залился краской, а Турецкий отметил топорную работу. Глупо перед человеком, которого видишь как бы в первый раз, делать вид, что знаешь его подноготную. При современных средствах мобильной связи такие фокусы не прокатываются. «Он бы еще здоровьем жены поинтересовался!»

– Как себя чувствует Елена Геннадьевна? Надеюсь, на днях выпишут?

– Спасибо, завтра обещали. Кость срослась. Только в одном месте нагноение осталось.

– Подготовьте материалы... Да, такие дела проворачивали, а теперь и вспомнить не с кем. Когда снимут гриф секретности, никого из участников и в живых не останется... – задумчиво протянул генерал. – Молодец, оперативно сработал. Какие соображения относительно преступника?

– Он пока подозреваемый, – возразил майор.

– Вам моя информированность показалась недостаточной? – ни с того ни с сего прорычал Лесков, и майора словно подменили.

– Никак нет! – громко доложил он. – Предварительная картина такова: преступник Визгунов Роберт Захарович втерся в доверие к покойному Копчику Ивану Силантьевичу под видом литературной обработки мемуарных материалов. Около полудня между ними произошла ссора. В результате чего Визгунов нанес два режущих удара сувенирным самурайским мечом и затем предпринял попытку ограбления, но был задержан на месте преступления с поличным. От дачи признательных показаний отказывается.

– Вот это другое дело. А то мямлит: невиновен, надо доказать. Все, посторонних прошу очистить территорию. К работе приступают наши профессионалы!

– Генеральная прокуратура официально возбуждает уголовное дело. И далеко не все, как вам представляется, здесь ясно и очевидно, – склонив голову, сухо произнес Турецкий. – Поэтому убедительно прошу держать меня лично в курсе хода следствия.

– Не беспокойтесь. Вся информация, которую следствие сочтет важной, будет доводиться до вас лично, – тщательно скрывая иронию, пообещал генерал Лесков.

Глава третья ЛЕТЧИК-ТЕРАПЕВТ

1

Однажды двери Русского оздоровительного центра резко распахнулись, и четверо крепких парней внесли канцелярский стол. Они поставили его посреди холла и, окружив со всех сторон, замерли, внимательно осматривая каждый свое направление. Их совсем не смущало то обстоятельство, что перед ними были просто стены. Сказывалась серьезная дрессировка.

К лаковой поверхности стола был примотан обычным скотчем грузный человек. Он был абсолютно неподвижен и только комично шевелил густыми, сросшимися на переносице бровями.

Оказалось, что отставного полковника КГБ, а ныне начальника службы безопасности известного в Москве Медиа-банка, скрутил радикулит прямо на рабочем месте.

О центре шла громкая слава буквально с момента его открытия, когда, собственно, и произошла эта история – в середине девяностых годов. Еще бы, ведь здесь принимал сам доктор Медына, мануальный терапевт, что называется, от Бога! Очередь на прием к нему сразу, с первых дней, растянулась на многие месяцы. И генеральный директор центра Анатолий Михайлович Сидоров мечтал лишь об одном: иметь троих таких самородков, и можно почивать себе на лаврах, ничего не делая. Они запросто содержали бы весь центр.

Так как мануальщик в тот момент был занят, а клиент, судя по всему, оказался непростым, генеральный директор центра решил выйти лично к новому пациенту.

Годы свое взяли. Они поначалу не узнали друг друга. Основательно облысевший и похудевший, Сидоров ничем не напоминал того веселого беспутного лейтенанта, каким он был когда-то в середине пятидесятих. Да и в борове, занимавшем всю площадь канцелярского стола, невозможно было узнать с ходу некогда щуплого и лохматого капитана, ибо из всей растительности на его голове не изменились только сросшиеся на переносице густые брови.

Пациент уже собрал вокруг себя любопытствующих – медицинских сестер и массажисток, которым травил байки...

– А еще, где-то в конце пятидесятих, был я, помнится, в Венгрии и вот там познакомился с одним шалопаем, но летчик – просто ас...

Оперевшись спиной на колонну, генеральный директор невольно заулыбался. Он вновь увидел сказочной красоты холмистые зеленые поля, горы на горизонте, аккуратные лубочные домишки и вечно танцующих под неизменные скрипки черноглазых девушек. Давно это было, без малого сорок лет назад...

2

Историческая память народов – понятие весьма однобокое. Венгры совершенно забыли, как братья красные мадьяры помогали становлению нового строя в России. А когда эта помощь бумерангом вернулась к ним в пятьдесят шестом, взвыли на весь мир. В принципе, это единственное, что может малая страна предпринять в свою защиту. Крик вопиющего был услышан, и государства-монстры собрались и погрозили пальчиком: «Маленьких не обижать». Конечно, руководство Советского Союза было несколько озадачено. Вроде бы делали все аккуратно. По просьбе законного правительства, да и практически бескровно. Где уж там угнаться за Бела Куном с его кровавой шашечкой! Но результат оказался прямо противоположным расчету.

Но к концу пятидесятых ситуация постепенно стала нормализовываться, однако сердечные отношения с местным населением остались в глубоком прошлом.

Недалеко от села Кашупа, на границе с Румынией, на территории древней Трансильвании и Моравии, находился небольшой аэродром. До осложнения обстановки советские военные, особенно летчики, были самыми желанными гостями в кабачках села, а раскованные местные девицы в очереди стояли, чтобы попасть в подпольный бордель. Нравы села русским были совершенно непонятны. Сказывались вековые традиции буйного уголка Европы на стыке культур. Родители, отправляя дочь в публичный дом, благословляли ее крестным знаменем. А если же девушка хотела просто погулять – бесплатно, для души или по зову сердца – она тут же подвергалась всеобщему осуждению, вплоть до полного бойкота всей деревни.

Наиболее почитаемым жителем селения был парализованный старик Барабаш. Каждое утро его выкатывали и укладывали греться на солнышке. Паралич он получил в начале века, сорвавшись со скалы. Парня приволокли домой, и несчастный несколько дней лежал в неподвижности. Затем явилась знахарка и, осмотрев тело, произнесла: его надо вынести на солнце, и когда он хорошо прогреется, встанет на ноги.

Уверовав в метод лечения, мать тут же организовала прогревание. Парень лежал на солнце день, два... год... Уже все жители села махнули рукой и перестали ожидать чуда, но упорная мать продолжала изо дня в день выносить его во двор с первыми лучами солнца. Исключение составляли лишь дни, когда небо затянуто тучами или шли непрекращающиеся дожди.

Затем начались войны: Первая мировая, Вторая. Уходили и не возвращались мужчины, пронеслись эпидемии и катастрофы. Давно умерла мать, состарился и сам сын, и уже никто не помнил, с чего все началось и с какой целью делается. Просто жители деревни так привыкли к ритуалу выноса старика на солнце, что он стал одним из символов села Кашупа. Им казалось, что, не соверши они эту процедуру хоть раз, рухнет мир.

Старика осмотрел начальник медсанчасти полка и поставил диагноз: защемление нерва в результате подростковой травмы. Его заинтересовало лишь то обстоятельство, что человек прожил столько лет в неподвижном состоянии, но при этом не наблюдалось никаких следов дегенерации и атрофирования органов. Обычно без внешней стимуляции мышц и кровеносных сосудов наступали необратимые последствия, и человек-голова дольше пятнадцати лет редко когда жил. Вероятно, чистый горный воздух и постоянные манипуляции с его перетаскиванием сделали свое дело.

В этот район ввода войск и не производилось, однако обстановка резко накалилась. Семьи военнослужащих были срочно вывезены в Союз. Офицеров перевели на казарменное положение. Усилилась охрана аэродрома, городок был обнесен колючей проволокой. Но самым неприятным оказалась неожиданно выросшая стена непонимания.

Командир тяжелого бомбардировщика старший лейтенант Толик Сидоров это почувствовал, когда встретил на улице старого друга Маркиша. Тот держал кабачок и был по совместительству местным сутенером. Маркиш на горячее приветствие старого друга, с которым была выпита уже не одна бочка вина, не ответил. Но, остановившись и не поворачивая головы, проговорил:

– Толик, ты мне друг, поэтому выслушай. Не ходи больше в деревню. Непокойно у нас. Могут убить. И еще. Мое заведение для русских закрывается.

Затем продолжил свой путь. Для разбалованного летчика начались тяжелые времена, впрочем, как и для большинства холостых офицеров городка. Оставшиеся несколько поварих и медицинских сестер внезапно стали местными секс-символами.

Правда, совсем обходиться без русских разучились и венгры. Однажды Сидорова вызвали на КПП. Он подошел. Там стоял Маркиш.

– Ну? – недовольно спросил лейтенант, воспринявший поведение венгра как личную обиду.

– Давай отойдем до телеги, – предложил венгр.

– Давай, – пожал плечами, согласился лейтенант.

Когда они присели на повозку, Сидоров сразу заметил пустые канистры, от которых слегка несло горюче-смазочными материалами. Маркиш порылся в соломе и откопал стеклянную бутылку темно-вишневого цвета. Приподняв ее, посмотрел на солнце и произнес:

– Прошлогоднее из Залютина. Будешь?

Летчик прищурившись взял бутылку и тоже посмотрел на свет. Содержимое емкости было такой чистоты, что невольно начиналось слюноотделение. Усмехнулся своим мыслям и произнес:

– Наливай!

Вино действительно было замечательным. Что называется, «для себя делал». После второго стакана Сидорову стало совсем хорошо. Он откинулся и, упав на телегу, решил неразумного крестьянина простить.

– Толик, во всей деревне нет керосина, – помявшись, произнес посланец.

– Езжай в город, – пожал плечами Толик.

– Там тоже нет.

– А, так вы уже и там побывали? – ухмыльнулся офицер. – Конечно, лучше в город смотреть, чем к старому другу обратиться!

– Понимаешь, дети... Там еще вино есть...

– Понимаю, – вздохнул Сидоров. – Жди здесь.

Взяв поводья, летчик проехал через ворота на территорию городка, и не прошло часа, как вернулся, обменяв у старшины, начальника технической смены, вино на керосин в пропорции два к одному, заработав таким образом литров двадцать первоклассного напитка.

Маркиш бросился его обнимать.

– Даже не знаю, как благодарить! – жарко произнес он.

– А ведь ты знаешь, что мне надо! – ответил, глядя ему в глаза, лейтенант.

– Понимаешь, Толик, не могу. Честное слово, не могу. Нельзя. Если кто узнает, семья из деревни будет изгнана.

– Ну, ничего себе, как далеко зашло! – присвистнул Сидоров.

– Я сам такие убытки терплю, по ночам плачу.

– Маркиш, как ты думаешь? Мне было легко? Но ты попросил, и Толик сделал. А то, что он может взыскание получить, не важно. Главное, у твоих детей будет керосин! Ну, ладно, прощай, брат, и не приходи ко мне больше...

Маркиш, потупив взгляд, на некоторое время замолк. Затем посмотрел на Толика и произнес:

– Завтра, на закате, я приеду. Деньги захвати.

Как только начало смеркаться, старший лейтенант Сидоров, договорившись, что его прикроют товарищи, перемахнул через забор. У дороги его поджидал венгр. Он вытащил из соломы комплект национальной одежды и заставил Толика переодеться. Затем военную форму спрятали у дороги, завалив камнями, и отправились за приключениями в город, обильно смачивая горло. Единственное, о чем просил мадьяр, не раскрывать рта. Сидоров должен был играть роль немого парня из их деревни. Речь он за три года научился понимать, а вот разговаривать даже и не пытался.

В городе все прошло, как было задумано. Маркиш сторговал ему красотку на всю ночь, а сам отправился продавать керосин. Утром оба вернулись обратно. Толик переоделся и вскоре оказался в части. Однако на расспросы друзей отвечал уклончиво.

Он не знал, что и где происходило, но настроение омрачало ощущение ненависти к «оккупантам», которой было буквально пропитано все пространство городка. Толик понял, что слишком легкомысленно относился к предостережениям начальства.

На следующий день шли плановые полеты. Замполит еще раз провел инструктаж относительно щадящего отношения к местному населению. Запрещались полеты на низкой высоте над населенными пунктами и пастбищами со скотиной.

Самолет Сидорова поднялся в воздух. Однако, едва отлетев на несколько километров, пилот обратил внимание на плохую маневренность. Проверив показания приборов, он определил утечку масла из гидравлической системы. Бомбардировщик становился неуправляем. Доложив о неисправности, Сидоров повернул обратно к аэродрому. Руль высоты слушался плохо, машина стремительно теряла высоту. Единственное, что мог сделать пилот, это сбросить две тяжелые бомбы ФАБ-1000М47. И он провел бомбометание, а в следующий миг пожалел, что не рухнул вместе с самолетом. Одна из бомб попала во двор местного жителя. Он успел заметить, как взметнулись вырванные с корнем деревья и какой-то хлам.

Самолет после облегчения выровнялся и дотянул до посадочной полосы. Бросившегося к нему с объятиями командира полка Сидоров огорошил сообщением о сбросе бомб. Старый вояка немедленно скис. Он знал, что в нынешних условиях церемониться с героем не станут.

Сидорова посадили на гауптвахту до прилета начальника особого отдела, а самолет тщательно обследовали и обнаружили, что трубка подачи масла в гидравлическую систему пропилена напильником. Налицо была самая настоящая диверсия, и совершить ее мог только кто-то из местных.

– Товарищ лейтенант, – расхаживая по бетонному полу гауптвахты, монотонно говорил начальник особого отдела капитан Макаров, – вы представляете, что значит ваш безответственный поступок в условиях столь напряженной обстановки? Быть может, с вашей бомбы начнется третья мировая война? Вы себе отдаете отчет?

– Да все я понял, – устало произнес старший лейтенант.

– Ничего вы не поняли! – продолжил особист. – Я вот ваше личное дело посмотрел. Мы с вами одного года. Я уже капитан, а вы все в старлеях ходите! О чем это говорит? О вашем разгильдяйстве, низкой дисциплине и халатном отношении к исполнению служебных обязанностей. Командование характеризует вас как одного из лучших летчиков, мол, рискуя жизнью, спас машину! Герой! Подумаешь, подвиг! А я вот посмотрел ваши личные вещи. Все разбросано, в комнате бардак, кровать плохо заправлена, а рубашечку с пальмами, между прочим, прикупили! А то, что не годится советскому офицеру выражаться как стилига, не думаете? А пластинки? Сплошной джаз! Вот весело танцуется, наверное? Зато план самостоятельной подготовки – чистая формальность. Конспект работ классиков марксизма-ленинизма вообще порнография. Почерк, словно курица лапой писала! Грамматические ошибки одна на другой. А работы «Как нам реорганизовать РАБКРИН?» вообще нет! А ведь настоящий подвиг – в каждодневном изучении научного коммунизма!

– Ладно, я все понял и осознал. – Сидоров поднял голову. – Я признаю свою вину и согласен отвечать в соответствии с советским законодательством. Я думаю, что специалисты разберутся в правомочности моих действий. Слава богу, не тридцать седьмой.

– Ишь расхорохорился! – Особист развернулся к нему. – А ты знаешь, что комиссия по разбору полета подпишет любой документ, какой я захочу? И выйдет, что ты специально сбросил бомбу, чтобы обострить международную обстановку. Вот и будет тебе тридцать седьмой!

– Слушай! – взорвался Сидоров. – Что я тебе сделал? Что ты на меня собак вешаешь?

– А потому, что ты органы не любишь! Я ведь чувствую твое презрительное отношение ко мне с первой секунды!

В дверь постучали.

– Ну что там? – раздраженно крикнул капитан.

– Там, это, – заикаясь, ответил солдат, – со стороны деревни к нам народ движется. Много людей. Все жители.

– Вооружены?

– Далеко. Отсюда не видно.

Капитан выскочил. Увидев грандиозную толпу с флагами и хоругвями, он нервно забегал.

Командир полка поднял личный состав по тревоге. Раздал солдатам и офицерам оружие и боеприпасы. Но на провокации приказал не отвечать.

– Вот видите? До чего довели! – завопил капитан, обращаясь к полковнику. – Я обо всем доложу!

– Уйди отсюда! – рявкнул командир полка, указывая на тыл. – Твое место в заградотряде.

На представителя органов безопасности было невозможно смотреть. Макаров побледнел и побежал в сторону гарнизона. Немного пометался у самолетов. И если бы мог, то угнал бы машину. Наконец, остыв, принял решение. Капитан ворвался на гауптвахту, выволок Сидорова и притащил его к забору.

Подошедшая толпа остановилась. Оружия у людей не наблюдалось, однако уловки хитрых мадьяр были известны. Оно могло вмиг появиться из нескольких подвод, сопровождавших толпу. Вышедший вперед Маркиш крикнул:

– Мы хотим видеть того, кто сбросил во двор бомбу!

На некоторое время наступила мертвая тишина. Было слышно лишь, как стрекочут кузнечики и проворачиваются шестеренки в голове капитана безопасности. Наконец он пришел к выводу, что, отдав на самосуд местным жителям никчемного старлея, он тем самым предотвратит вооруженный конфликт, в результате которого могут погибнуть многие невинные люди и, кто знает, может, вообще всех вырежут, не разбираясь, бомбил ты деревню или только сегодня прилетел разобраться и наказать виновного.

Схватив за руку Сидорова, он подвел его к воротам и скомандовал:

– Ну, иди, расхлебывай кашу, которую заварил!

Сидоров вздохнул. Обвел взглядом офицерский состав и командование, немедленно потупившее головы, и, отчаянно улыбаясь, пошел.

Однако случилось невероятное. Люди бросились на него и, подняв на руки, принялись подбрасывать в воздух. Когда толпа схлынула, взглядам открылись три бочки с вином и танцующий вокруг народ.

Вскоре все выяснилось. Оказывается, одна бомба угодила во двор того самого парализованного деда. Он, как обычно, лежал на солнышке. Увидев, как от фюзеляжа отрывается и несется на него с ужасающим воем бомба, дед неожиданно вскочил и дал деру. Теперь, после пятидесяти лет неподвижности, он танцевал, как некогда в детстве.

Неожиданно старшего лейтенанта признали почетным жителем села. Всю часть угощали вином. И, само собой, дружеские контакты восстановились. Особисту капитану Макарову срочно пришлось консультироваться с начальством, которое было только радо такому исходу. А к завершению праздника сельчане подсунули гэбэшнику саму Марику, звезду сельского борделя, которая, намного опережая время, вытворяла такие фокусы, что даже в курилках мужики, повидавшие немало на своем веку, не решались поделиться друг с другом.

Тогда Сидорова решили не наказывать, но на всякий случай на родину отозвали. Тогда же за ним и закрепилось прозвище летчик-терапевт.

Прошло много лет. Но с тех давних пор жизнь Анатолия Михайловича Сидорова оказалась неразрывно связанной с медициной. И когда начали формировать первый госпиталь на борту военно-транспортного самолета, его назначили командиром корабля. Списавшись с летной работы, он попал замполитом в Центральный авиационный госпиталь. А выйдя на пенсию, уже в годы первых рыночных экспериментов, немедленно организовал частный медицинский центр, который в середине девяностых годов, как уже сказано, гремел по всей Москве...

Судьба, между прочим, однажды еще раз свела его с Макаровым. Это было в семидесятых годах. Сидоров получил тогда задание перевезти груз медикаментов в ГДР. Однако то, что грузилось в салон, больше напоминало ему передвижную художественную выставку. Узкие, разногабаритные плоские ящики сопровождал представитель КГБ, этот самый Макаров. В задачу Сидорова входило только взлететь и сесть. Поэтому он и не общался с немногими пассажирами. Помудревший летчик слишком хорошо знал, с кем он имеет дело, и решил лучше промолчать, чем связываться.

И вот новая встреча. Время, конечно, давно стерло неприятные воспоминания. А может, просто с высоты возраста казалось, что в молодости не могло быть ничего плохого. И любой человек отдал бы, не задумываясь, годы счастливой старости за минуты юношеских переживаний и страданий...

Внимательно выслушав рассказ безвольно лежащего в дурацкой позе на столе Макарова, генеральный директор приблизился, наклонился к самому уху пациента и тихо сказал:

– А ведь у Марики от тебя сын родился.

Макаров вылупил глаза, резко дернулся и, разорвав скотч, сел...

3

Макаров стал постоянным клиентом Сидорова. И он тоже не раз оказывал неоценимую помощь генеральному директору.

Русский оздоровительный центр располагался в элитном доме, принадлежащем Управлению делами президента. Вновь открывшись после продолжительного капитального ремонта, он принял своих старых пациентов. Генеральный директор не мог нарадоваться, наблюдая, как его детище набирает обороты, и, видимо, сглазил.

А началось все с того, что некая фирма стала интенсивно возводить ограду вокруг элитного дома. Скоро появились металлические ворота и будка для охраны. А затем в кабинет Сидорова явился человек с физиономией Полиграфа Полиграфовича Шарикова и представился:

– Я руководитель частного охранного предприятия «Сокол» Копчик Иван Силантьевич.

– У вас проблемы со здоровьем? – любезно поинтересовался Сидоров.

– Нет, это у вас они могут быть, с охраной, – ответил Копчик. – Мы, по договору с жильцами дома, взяли его на свое обслуживание. Ваш центр занимает первый и подвальный этажи площадью почти в четыреста квадратных метров. Исходя из того, что и посетители к вам ходят чаще, чем к жильцам, мы рассчитали стоимость ваших ежемесячных взносов.

– Интересно, интересно, – усмехнулся Сидоров.

– Всего три тысячи долларов США по курсу в рублях.

– В год?

– В месяц.

– А не слишком ли завышены расценки? – спросил директор.

– Смотрите, – Копчик вполне серьезно показал свои расчеты, – у нас четыре смены по два человека, восемь. И два начальника смены, десять человек. По триста долларов зарплаты – уже три тысячи. А что остается фирме на содержание бухгалтерии, управленческого аппарата, возмещение затрат на забор? Вы же сами экономист, видите, со всего дома я беру всего две тысячи. Едва на налоги хватает.

– А теперь послушай меня, – заявил генеральный директор, переходя на «ты». – Мне вообще ваша охрана не нужна. А уж за такую заоблачную сумму тем более. Ты хочешь, чтобы я работал лишь на аренду помещения и кормежку твоего сраного ЧОПа? Наш центр уже заключил договор с вневедомственной охраной, и нас все в ней устраивает.

– Ну тогда я буду вынужден перекрыть кислород, – угрожающе произнес Копчик. – С понедельника ни сотрудники, ни пациенты через проходную пропускаться не будут.

– Знаешь, я давно живу, – ответил Сидоров, – успел обрести друзьями и связями. А еще жизненным опытом. Поэтому, мой тебе совет, не связывайся!

Шумно встав, незванный гость покинул помещение. Генеральный директор задумчиво прошелся по кабинету и набрал номер телефона:

– Андрей Аркадьевич, приветствую. Как здоровье?

– Да вот, к тебе сегодня собираюсь! – ответил Макаров. – А что, есть проблемы?

– Возникло небольшое затруднение, – произнес Сидоров. – По вашей конторе некто Копчик не проходил?

– Иван Силантьевич?

– Он.

– Знавал я его, – без особого энтузиазма протянул Макаров. – А какого плана вопрос?

– Да вот, обнес забором, теперь собирается данью обложить. И если не договоримся, то в понедельник его орлы даже тебя не пустят.

– Это на него похоже! – внезапно обрадовался Макаров. – Толя, я тебе вот что скажу. Копчика я возьму на себя. Сволочь каких мало. У меня с ним своя разборка. Я ведь уже генеральские погоны примерял, так эта мразь дорогу перебежала. Причем грязью такой облил, что до сих пор отмываюсь. Давненько я на него зуб точил...

4

А дальше события развивались следующим образом. Отставной генерал КГБ Копчик хотел попросту навязать свои охранные услуги частному оздоровительному центру, и когда директор от сделки отказался, Иван Силантьевич решил было применить свою излюбленную тактику.

Он установил за центром наблюдение, и вскоре весь распорядок дня, план центра и перечень наиболее ценного оборудования легли к нему на стол. Оставалось проверить надежность системы охраны объекта.

Он давно понял, что жить без грязи в этом мире нельзя. Но еще уяснил, что грязными делами должны заниматься специалисты. Вот он по молодости наделал глупостей. Вроде бы давно было, все списалось, все забылось, а иногда глядишь, и всплывет неприятный осадок...

Поэтому всякая охранная структура, по его убеждению, если хотела иметь хорошие деньги, была вынуждена контактировать с настоящими головорезами. Принцип симбиоза ведь открыт еще в девятнадцатом столетии, когда лондонские стекольщики специально нанимали мальчишек для битья окон. И когда сегодня клиенты не понимают важность охраны, бандиты быстро объясняют им их ошибки.

Копчик нашел подходящего наркомана, довел его до нужной кондиции, после чего навел на медицинскую контору, «где в сейфе хранится много дури».

Наркоман вошел в центр. Сел в холле на мягкий кожаный диван и, покусывая ногти, принялся наблюдать. Сотрудники были заняты своими делами, так что внимания на него никто поначалу не обратил. Выбрав момент, когда сидевшая на ресепшн девушка отошла от стойки, он подошел к небольшому металлическому сейфу и, взяв его на руки, повернулся. Девушка-менеджер растерянно спросила:

– Вы что тут делаете?

Вместо ответа наркоман ринулся на выход. Но дверь была заблокирована. Тогда плохо соображающий человек швырнул сейф в окно. Сзади на него налетела и принялась лупить кулачками хрупкая девушка. Поднялся шум. Наконец он разбил дверное стекло и выскочил

наружу. Но, увидев за собой погоню, понял, что с грузом ему не уйти, и сбежал, так и не подобрав выброшенный сейф.

Вернувшись в помещение, менеджер включила сигнал вызова охраны. Минут через пятнадцать, неспешно облизывая мороженое, подошли два увальня, одетые в мешковатую униформу, отдаленно напоминающую милицейское обмундирование. А еще через полчаса явился недовольный участковый.

Результаты проверки порадовали Копчика. Он назначил встречу с Пашей Беленьким, главным достоинством которого было то, что он не брезговал ничем, его отморозки охотно выполняли любую работу.

Начало операции Копчик назначил на восемь утра. Бандиты Беленького должны были проникнуть в помещение вместе с первой служащей, явившейся на работу. Затем, связав ее, они вскроют сейфы, вынесут их содержимое, а заодно прихватят несколько компьютеров и аппарат УЗИ. На все про все у них было пятнадцать минут. Но даже если и не успеют, то выставленная Копчиком охрана их подстрахует. Притворившись полными идиотами, его мордороты должны были на территорию никого не пропустить.

Единственное, чего не предусмотрел бывалый генерал, так это того, что за всеми его передвижениями и действиями внимательно наблюдал бывший коллега по цеху.

Когда Иван Силантьевич через полчаса после начала операции прибыл посмотреть на происходящее взглядом постороннего наблюдателя, он обнаружил своих орлов лежащими на асфальте со связанными за спиной руками. А отморозков Паши Беленького выводили из помещения центра и грубо заталкивали в металлический фургон с решетками. Генеральный директор, улыбаясь, мирно покуривал на крылечке...

У отставного генерала внезапно сдавило сердце. Очнулся он уже внутри центра. Похожий на знакомого мясника с Центрального рынка профессор популярно разъяснил ему:

– Эхограмма сердца ни к черту не годится, батенька! Второй инфаркт вы перенесли на ногах, а третий будет последним!

– Что же мне делать? – прошептал генерал Копчик.

– Необходимо срочное шунтирование сердца, но внутренние органы изрядно подпорчены обильными воздействиями в условиях жаркого климата и наркоза не выдержат. Короче, медицина здесь бессильна. Вам, прежде всего, необходим покой. Нельзя пить, курить, воздержаться от кофе, женщин. Меньше резких движений и сильных эмоций и... – внезапно запнувшись, добавил: – Меньше думайте о душе!

Глава четвертая ВОЛКА НОГИ КОРМЯТ

1

– Александр Борисович, – спросил мелодичный голос, – разрешите войти?

– Да, Томочка, – ответил Турецкий, отталкиваясь от стола и, закинув руки за голову, отъезжая в кресле к стене.

«Если бы она еще и молчать умела! – подумал он, не без удовольствия оглядывая девушку. – Но, к сожалению, совершенные женщины исключительно редко попадаются, гораздо чаще те, что попой...»

Турецкий усмехнулся незатейливому каламбуру. Приняв улыбку на свой счет, секретарша засияла. Она давно неровно дышала к Турецкому, но издалека. Помог случай. Томочка печатала приказ о повышении старшего следователя Турецкого до помощника генерального прокурора, и когда дошла до пункта, что ему полагается секретарь, чуть не завизжала от восторга. Она провела значительную подготовительную работу, чтобы оказаться на этом месте.

Мало того что Томочка не могла даже на короткое время прикрыть свой аккуратный ротик, она постоянно несла такую чепуху, что Турецкий, уже к исходу первого дня общения, принял решение расстаться с ней. Она здесь находилась лишь ввиду полнейшего отсутствия времени на подбор толковой помощницы. Однако каждый раз при появлении девушки он все яснее понимал, что пора бросать дела и пускаться на поиски.

– Александр Борисович, вам письмо, – произнесла она таким тоном, что Турецкий испугался, уж не написала ли его она сама.

Девушка, низко наклонившись, подала нераспечатанный конверт. Турецкий его с неподдельным интересом повертел и произнес:

– Ого, из ФСБ, со штампом «секретно».

– Интересно, его по почте прислали? – спросила секретарша. – Ведь какой-нибудь любопытный мог вскрыть и прочитать. Я правильно поступила, что не стала сама открывать конверт?

– Конечно, правильно, – Турецкий важно кивнул. – Запомни, документы такого рода доставляются исключительно фельдьегерской почтой.

– Интересно! – расширились глаза девушки от загадочного слова. – А что в нем?

– Хочешь посмотреть?

– Да, – сглотнув, произнесла Томочка.

– Пожалуйста. Однако я буду вынужден внести тебя в реестр ознакомленных со сверхсекретным документом, – нравоучительно произнес Турецкий, разрывая конверт. – И свою мечту о заграничных путешествиях можешь смело отложить лет на пять.

– А меня уже здесь нет! – раздалось откуда-то из-за двери.

Турецкий прочитал документ и нервно забарабанил пальцами по столу. Затем, вскочив, забежал по кабинету и, наконец, направился напрямиком в кабинет заместителя генерального прокурора Меркулова.

В приемной творилось нечто кошмарное. Секретарша Клавдия Сергеевна грудью стояла, не пропуская толпу ожидавших аудиенции. И одолеть эту грудь было под силу совсем немногим.

Когда Турецкому было надо, он прошибал все препоны и преграды. Почти неуловимым движением, не меняя скорости, он обхватил секретаршу за талию, приподнял, на мгновение прижал к себе и, быстро переставив в сторону, скрылся за дверью кабинета.

– Почему его пропустили? – возмутился один из ожидавших.

– А вы видели, что он со мной сделал? – парировала секретарша. – Кто повторит, того тоже пропущу без очереди!

Народ в приемной одобрительно засмеялся. Однако желающих повторить подвиг Турецкого не нашлось.

– Константин Дмитриевич, – официально обратился Турецкий к сидевшему во главе стола для заседаний в окружении нескольких с иголки одетых посетителей Меркулову. – Прочитайте, а потом скажите, интересует ли вас мое мнение? Извините, что прервал.

– Прошу прощения, – извинился Меркулов перед собеседниками, спуская на кончик носа очки.

Он углубился в изучение документа, и по мере чтения эмоции несколько раз отразились на его лице. Наконец Меркулов оторвался и сказал:

– Александр Борисович, это очень хорошо, что вы сразу обратились ко мне. Ваша точка зрения мне вполне ясна. Я даю добро на выяснение всех возникших вопросов. Когда будет информация, незамедлительно обращайтесь. А сейчас я продолжу. Мы и так у наших уважаемых... товарищей банкиров забрали достаточно их драгоценного времени.

При слове «товарищи» по лицам господ пробежала легкая тень, однако они постарались сдержаться. Но по тому, как им было нелегко это сделать, Турецкий с ходу уловил уровень «крутизны» делегации и степень важности дела, с которым они обратились к заместителю генерального прокурора. Такого рода небольшими психологическими провокациями Александр Борисович и сам пользовался постоянно.

Недоумение Турецкого было вполне обоснованно. В полученном официальном письме на имя помощника генерального прокурора Турецкого сообщалось, что возбужденное Генеральной прокуратурой дело по поводу убийства генерал-майора в отставке Копчика закрыто в связи с естественностью смерти.

Едва Турецкий вернулся в свой кабинет, раздался телефонный звонок. Он поднял трубку. Послышался веселый голос Меркулова:

– Саня, едва выпроводил посетителей. А там еще такая толпа, видел?

– Что, и все серьезные люди?

– Да так, шелупонь. Бабок наворовали, нескольких гаишников и адвокатов прикупили, а теперь считают, что все кругом продается.

– Наверное, решили, что ты цену поднимаешь? – усмехнулся Турецкий.

– Как в воду глядел, – подтвердил Меркулов и продолжил: – Так как ты считаешь, он сам себе распорол брюхо крест-накрест? У него что, крыша на почве дзен-буддизма поехала?

– Ну, во-первых, не надо на дзен-буддизм наезжать! Весьма симпатичная мирная философия, – посчитал нужным возразить Турецкий. – Знаешь, Костя, это непросто провести ножом по груди, когда все внутренние органы уже лежат перед тобой на полу.

– А если с нее начать? – высказал предположение Меркулов.

– Судмедэксперт придерживался при осмотре иного мнения. Впрочем, если накачаться какой-нибудь дрянью, можно сделать все что угодно, но скажи: с каких пор у нас такой вид смерти стал считаться естественным?

– В общем, Саня, передавай привет Сигизмунду Тоевичу, ты ведь к нему в Лефортово намылился? – уточнил Меркулов, добавив: – А я попробую пощупать господина Лескова за одно место...

– Ладно, я думаю, пока достаточно. А когда появится информация, будет видно...

2

Турецкий знал, что в Москве почти полтора десятка судебно-медицинских моргов. Однако он все же надеялся, что тело Копчика повезли именно в Лефортовский. Прежде всего, из-за близости следственного изолятора ФСБ. Но и старый лис Меркулов не зря приветы передает. Видно, знает уже что-то.

Приехав в морг, Турецкий уверенно направился по пропахшему формалином коридору к двери с надписью: «Начальник лаборатории». Постучав, толкнул дверь. Однако она не открылась. Турецкий на минуту задумался. В этот момент послышался скрежет двойного поворота ключа, и в приоткрывшуюся щель просунулось узкое лицо в роговых очках с огромными линзами. Турецкий приблизился вплотную и разглядел огромные, словно перезрелые вишни, зрачки. Голова отшатнулась.

Наконец Сигизмунд Тоевич Вербицкий разглядел посетителя и радостно распахнул дверь. Втащил за руку Турецкого в помещение, еще раз выглянув в коридор, повертел головой и захлопнул дверь.

– Здравствуйте, Сигизмунд Тоевич, – прошептал Турецкий.

– А вы не бойтесь! – ухмыльнулся Вербицкий. – В нашем анатомическом театре одного актера громкий голос никому не помешает. Кроме здесь присутствующих, продукты этилена никто вовнутрь уже не потребляет.

– Мне просто показалось, – опять понизил тон Турецкий, – что вы кого-то в коридоре высматривали.

– И мне показалось. Знаешь, Саша, чем больше здесь работаю, тем больше загадок ставит природа. Я уже перестал высокомерно относиться к ним. Иногда кажется, что они все понимают.

– Да ладно, перестаньте, Сигизмунд Тоевич.

– Я тебе потом один фокус покажу. Подходишь к холодильнику и начинаешь рассказывать о трупе, какой он красивый и хороший, вытаскиваешь, а на лице улыбка. А к другому подойдешь и грязью обольешь, такой, мол, растакой. Выкатываешь, а он рассвирепевший. Ладно, пойдем, там уже две рожи совсем, наверное, скисли.

За накрытым столом сидели два молодых человека и активно работали челюстями. Вербицкий манерно нахлобучил на свою абсолютно лишенную волос голову сине-зеленую шапочку и, учтиво склонив голову, представил:

– Турецкий Александр Борисович, прошу любить и жаловать. Очень интересный экземпляр. Если не доживу до вскрытия, то весьма советую обратить внимание на поджелудочную железу! При его образе жизни она давно должна была увеличиться раза в два или просто разложиться. Однако функционирует отменно. А это мои, так сказать, коллеги по цеху. Измайлов Павел Борисович и Суханов Петр Владиславович. Мне так и хочется назвать их апостолами. Но пока дальше определения «остолопы» они не тянут.

– Сигизмунд Тоевич, – обиженно протянул смахивающий на огромного телянка молодой парень.

– Да? – спросил, сбивая сургуч со стеклянной двухсотпятидесятиграммовой бутылочки с надписью: «Спирт для инъекций» и разливая по банкам, которые ставят при простуде на спину, организатор застолья. – А как прикажете называть человека, начинающего вскрытие с брюшины?

– Но ведь разницы, по большому счету, нет?

– Разницы, конечно, нет, но существуют общепринятые правила. После вас исследование может продолжить другой человек, и он будет введен в заблуждение!

– Как это – другой?

– Вы всегда должны говорить себе: «Мemento мори!» Вчерашний пример вас ничему не научил? – спросил патологоанатом. – Парню двадцать пять лет. Ничем не болел. Внезапная смерть. До сих пор не найдено причины!

– Сигизмунд Тоевич, – вежливо перебил Турецкий, – может, мне в другой раз заехать?

– Александр Борисович, как вам не терпится сразу к телу! – печально проговорил Вербицкий. – Смотрите, вон там лежат, терпеливо ожидая очереди, несколько десятков тел, уже никуда не торопящихся. Быть может, при жизни они бы уже повздорили, организовали очередь. Самые хитрожопые уже лежали бы на столе, за которым мы закусываем. Разве не благо, что они мертвы? Все они считали себя незаменимыми, и что? Они ушли, а никто и не заметил! Так стоило ли прилагать невероятные усилия для достижения мифических целей, если конец один? Короче, давайте выпьем за Екклезиаста, который эту мысль и сформулировал.

Турецкий опрокинул баночку со спиртом и не смог определить, сколько градусов в напитке. Он сделал жест, и ему накапали еще.

– Сигизмунд Тоевич, вы старый и мудрый. Наверняка уже знаете, зачем я здесь. Может, не будете томить душу?

– Видишь ли, Саша, конечно, знаю. Сейчас найдем молодым людям занятие минут на десять и займемся твоим Копчиком.

– Скажем так: нашим, – уточнил Турецкий, уловив на себе заинтересованный взгляд остолопов.

Спирт для инъекций действовал несколько своеобразно. В то время как голова работала ясно, а язык развязывался даже несколько более обычного, ноги повиноваться отказывались. Существенным усилием воли Турецкий оторвался от стула и, преодолевая качку, побрел к двери.

– Что, думаешь, поддался на старости лет старина Сигизмунд, – скрестив руки на груди, произнес патологоанатом, – угрозам и шантажу? Или того хуже, продался? Не то и не другое. В общем, так. Вскрытие проводил я лично. Хотя, если быть более точным, его сделали до меня. Труп привезли уже вскрытым. Я лишь сделал некоторые анализы и впервые, а повидал я немало, столкнулся со странной ситуацией. Обычно преступник убивает жертву, а затем инсценирует несчастный случай или самоубийство. Здесь все было наоборот. Генерал умер от инфаркта. Причем инфаркт был у него уже третьим и мог произойти в любую секунду. Неизвестному преступнику надо было вывести Копчика из состояния равновесия, достаточного для подъема верхней границы артериального давления буквально на пять миллиметров. По всей видимости, он пришел в качестве мстителя и, быть может, слегка ускорил естественный процесс. Но жить Копчику оставалось до вечернего скачка атмосферного давления. Зачем было глумиться над трупом? Это уже ваша проблема. Да, и еще одна деталь. Самурайский меч здесь ни при чем. Скорей употреблен был нож, наподобие скальпеля.

– Может, убийца не знал, что Копчик уже мертв?

– Может, но вряд ли. Кровь сворачивается в течение четырех-пяти минут. Его «вскрывали» минут через десять после смерти. Я думаю, что этого времени было уже достаточно, чтобы убедиться, что человек мертв.

– Но я видел лужу крови.

– Правильно, – кивнул Вербицкий, – с виду да, такая же алая жидкость, однако, если посмотреть в микроскоп, она вся, как паутиной, пронизана спикулами фибриногена.

– Значит, либо неуравновешенная личность, либо своего рода «контрольный выстрел»? – нахмурился Турецкий.

– А может, предупреждение кому или знак? Шишка из комитета, желающая лично побеседовать со столь ничтожным существом, каким являюсь я, явление достаточно редкое. Насколько мне не изменяет память, со времен Великого исхода подобное происходит впервые. Он, кстати, тут же, ссылаясь на государственную тайну, предложил заполнить только часть,

касающуюся смерти от инфаркта. Я, естественно, не согласился, и протоколы официально изъ-
яли, а меня устно предупредили, что в моих интересах помалкивать. После чего я позвонил
Косте Меркулову, и он попросил подготовиться к встрече с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.